

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

1

МЮНХЕН 1976

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 1

М а й 1976

МЮНХЕН

К читателям!

Из-за принципиальных разногласий с главным редактором журнала «Зарубежье» В. Сорокиным и его секретарем А. Желниным часть членов этого журнала вынуждена была выйти из состава редакции «Зарубежья». Выбывшие члены редакции основали новый журнал — «Голос зарубежья». Этот журнал намерен продолжать лучшие традиции «Зарубежья», насколько расширив его тематику и сделав его более актуальным. «Голос зарубежья» хочет быть голосом русской эмиграции, независимо от времени появления ее за рубежом, и одновременно голосом, перекликающимся, насколько это возможно, со всеми теми на родине, кто отказывается связать себя духовными узами застывшего марксизма и так называемого «научного коммунизма».

Может быть, это намерение покажется немного претенциозным для небольшого журнала, который будет существовать только на добровольные пожертвования, но редакция вполне отдает себе отчет в том, что журнал будет далеко не единственным голосом в эмиграции. Однюдь не ставя себе задачу конкурировать с уже существующими изданиями, заслужившими себе имя, «Голос зарубежья» хотел бы только внести свою индивидуальную ноту в эмигрантскую прессу.

Глубоко христианская направленность журнала не является препятствием для обсуждения на его страницах разных проблем мировоззрения, философии, науки, культуры, политики и общественных вопросов.

Редакция журнала будет приветствовать живые дискуссии по всем этим проблемам, проводимые в рамках уважения к убеждениям инакомыслящего. На нашей родине нельзя свободно высказывать своего мнения, нельзя противоречить, дискутировать, обсуждать. Там все сковано душасей живой мысль оцепеневшей ложной идеологией. Но под этим ледяным покровом раздаются живые голоса. Они ищут, спорят, обсуждают, понимая, что освободиться от да-

вящего господства мертвой идеологии можно только научившись самостоятельно мыслить, аргументировать, внимательно выслушивать мнения других и на этом проверять свои собственные мысли. Именно поэтому наш журнал готов предоставить свои страницы для такого обмена мнениями по важным принципиальным вопросам.

Конечно, такая дискуссия должна быть ограничена известными пределами. У каждого журнала — свое лицо, и облик его не должен расплываться и не иметь ясных контуров. «Голос зарубежья» — антикоммунистический и антимарксистский журнал, и на страницах его не может быть места идеям любого тоталитаризма и любой идеологии, принимающей часть за целое и искажающей мир, творение Божие. Особой целью журнала является борьба против глубоко ложной марксистской идеологии и бесчеловечного претворения ее в жизнь.

Скончавшийся недавно в возрасте 93 лет публицист Марк Вишняк, социалист и во многом не единомышленник редакции журнала, закончил, однако, свою книгу «Дань прошлому» словами, к которым не мешало бы прислушаться всем эмигрантам: «Когда в июне 40-го года, в пору спянной кровью дружбы Сталина с Гитлером, гитлеровцы овладели почти всей Западной Европой, и одна только Англия, изнемогая в неравной борьбе, продолжала сопротивляться, Черчилль произнес в палате общин незабываемые слова: „Мы пойдем до конца, мы будем биться во Франции, на морях и в океане, мы будем с возрастающей верой драться в воздухе, будем защищать свой остров любой ценой, на побережье и там, где приземляются самолеты, в полях, на улице и на холмах, — но мы не сдадимся“. Что в Западном мире и, еще поразительнее, в русском политическом зарубежье не создалось аналогичного отношения к большевистским узурпаторам и палачам, является едва ли не наибольшей трагедией современности».

«Голос зарубежья» не устанет призывать всех русских и восточноевропейских эмигрантов именно к такой позиции по отношению к большевистским узурпаторам и палачам.

Наш журнал будет широко откликаться на такие важные общественно-политические события, как, например, Международное сахаровское слушание, состоявшееся в октябре прошлого года в Копенгагене. При этом он неизменно и всегда будет защи-

щать борцов против коммунизма, если их будут пытаться очернить или замолчать. Позиция, вроде той, которую занимает В. Чалидзе, признающий в коммунистическом руководстве Советского Союза «реальность» и не ставящий себе задачей борьбу с ним, журналу чужда.

Редакция надеется на широкий отклик со стороны читателей и приглашает желающих к сотрудничеству.

История книги

Аркадий Викторович Белинков (1921—1970), бывший член Союза писателей СССР, профессор Индианского и лектор Йельского университетов, пережил фронт, смертный приговор за ненапечатанную книгу «Черновик чувств. Антисоветский роман», провел тринадцать лет в лагерях Северного Казахстана, столько же сопротивлялся цензуре, напечатал книгу «Юрий Тынянов», бежал из СССР, умер через два года после эмиграции в США.

А. Белинков — автор книги «Юрий Тынянов», статей «Западная интеллигенция, советская оппозиция и свобода, которой угрожает смерть» (известна как письмо ПЭН клубу) и «Страна рабов, страна господ...», названная строчкой Лермонтова.

Книга «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» была начата в 1958 г. в период «оттепели». Более пяти лет издательство «Искусство» вынуждало автора к уступкам, а он многократно переписывал книгу, стараясь обмануть бдительность редакторов. Одновременно А. Белинков готовил рукопись для публикации за границей, сохраняя места, выброшенные редакторами, и добавляя новые страницы. В 1968 году журнал «Байкал» (№№ 1, 2) начал печатать отрывки из книги, впоследствии вышедшие в самиздате, как и сама книга. Печатаение отрывков было прервано из-за разгромных статей в «Литературной газете». Для А. Белинкова это означало конец литературной деятельности в своей стране или приспособленчество, сдачу.

Он бежит за границу. Но и здесь эта книга не была издана при жизни автора. Голландское издательство «Mouton» и американское «Double day», заключившие было договоры, расторгли их после смерти писателя. Радиостанцией «Свобода» в 1969 году был передан цикл фрагментов из рукописи. В «Новом Журнале» (1970 г., № 100)

напечатан отрывок из рукописи «Что делал Юрий Олеша в газете „Гудок“», в журнале «The Russian Review» (1970 г., № 4 — 1971 г., № 1) напечатан отрывок «The Soviet Intelligentsia and the Socialist Revolution: On Yury Olesha's 'Envy'».

«Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» печатается по рукописи, пересланной из СССР за границу. Несколько новых вставок наряду с последней стилистической авторской правкой внесены в книгу посмертно. Они ничего не меняют в концепции книги. Глава «Смерть поэта» разделена на две части: «Собирайте металлолом!» (название не автора) и «Смерть поэта» в соответствии с ранее высказанным пожеланием писателя, которое он не успел осуществить сам. В связи с этим в тексте переставлено несколько абзацев. Кроме того, пришлось убрать пять или шесть повторов, попавших в рукопись в результате многочисленных переделок. Автор предполагал некоторую композиционную переработку главы «Проглоченная флейта». По неясности его намерений она оставлена без изменений.

Попытка напечатать книгу вопреки цензуре определила такую ее особенность, как эзопов язык. Материал исследования выполняет двойную функцию: играя самостоятельную роль, он становится объектом, из которого извлекаются новые значения. В научной книге много элементов, к «серьезному» жанру как бы не относящихся. Вместе с автором повествование ведет рассказчик: обыватель, пропагандист, пророк. Писатель монтирует различные по эмоциональной окраске куски: математические формулы, лирика, патетика, ирония. В книге много метафорических эпизодов: как делают сыр, как покупают ботинки. Но еще больше здесь открытой полемики с такими проявлениями советской идеологии 40—60 гг., как борьба с космополитизмом,

возврат к сталинизму. Писатель сближает далеко разведенные в истории события и соотносит с современностью николаевскую эпоху, время Ивана Прозного, немецкий фашизм, средневековые. Вручая ключ для прочтения книги, он пишет: «История при- ставлена к современности, как мальчик для битья к принцу Уэльскому: мальчик несет наказание за провинившегося принца».

Автор нарочито интегрирует диктаторские и самодержавные структуры не только, чтобы обличить советскую действительность, но и для определения того, какие закономерности она развивает и чем отличается от тиранических режимов прошлого и настоящего. По Белинкову, есть «обыкновенные» реакции и реакции «испеления». Но даже и в такие времена истинный художник должен противостоять действительности.

Постепенно анализ художественных особенностей Ю. Олеша перерастает в рассказ о причинах его падения: «всегда виноваты вместе — художник и обстоятельства». Ю. Олеша показан как типичный представитель законопослушной части советской интеллигенции.

А. Белинков предполагал осуществить трилогию о писателях с различным отношением к власти: лояльное (Ю. Тынянов), приспособленческое (Ю. Олеша), оппозиционное (А. Солженицын). В его архиве находятся заметки к книге о Солженицыне, черновики книги об Ахматовой, а также сборник статей как напечатанных в СССР и на Западе, так и неопубликованных. Часть литературного наследия А. Белинкова наравне с изъятими из библиотек книгами распространяется в самиздате.

В книге, отрывок из которой предлагается читателям, Юрий Олеша показан как представитель той части советской интеллигенции, у которой не хватило сил ни на явную оппозицию, ни на внутреннее сопро-

тивление власти. А. Белинков показывает медленный процесс опустошения писателя, начиная с 20-х гг. Эпиграфом к книге могли бы служить прекрасные слова Пастернака «Оставлена вакансия поэта — она опасна, если не пуста».

В то время, когда Ю. Олеша еще пытался говорить правду, т. е. — по Белинкову — осуществлять свое назначение Поэта, другие советские писатели жестоко критиковали его, требовали, чтобы он скорее перестраивался и из попутчика становился полноценным писателем социалистического реализма. Впоследствии Ю. Олеша стал таким писателем, и А. Белинков называет это гибелью. На примере Ю. Олеша автор развивает традиционную тему взаимоотношений Поэта и черни, тему глупого, непреодолимого непонимания художника толпой, и распространяет ее на наши времена.

А. Белинков сам стал жертвой трагического непонимания между тем, что он хотел сказать, и тем, как его восприняли некоторые читатели за границей. Отчасти это произошло потому, что его вещи, опубликованные на Западе, были написаны в подцензурных условиях и готовились к публикации в СССР. Приемы эзопова языка, которые изобретаются каждый раз заново в соответствии с меняющейся эпохой, для западного читателя оказались непонятны и чужды. Здесь утрачивается не только аллюзийность и ассоциативность подцензурной литературы, но и теряются мотивировки их применения.

Особенно ожесточенная полемика по поводу работ А. Белинкова разразилась после его смерти. Это еще более подчеркивает странное предчувствие предренности своей судьбы, которое писатели отражают в своих произведениях. «И Пушкина убила не пуля Дантеса...».

Н. Белинкова

Аркадий БЕЛИНКОВ

Сдача и гибель советского интеллигента Ю. Олеша*

Отрывок из главы «Проглоченная флейта»

Трагический конфликт героев Юрия Олеша с действительностью заканчивается печально.

Перед гибелью каждый из них предъявляет свой список преступлений.

Список Кавалерова: «Я не буду уже ни красивым, ни знаменитым... я не буду ни полководцем, ни наркомом, ни ученым, ни

бегуном, ни авантюристом. Я мечтал всю жизнь о необычайной любви. Скоро я вернусь на старую квартиру... Там грустное соседство: вдова Прокопович».

*) Вдова покойного А. Белинкова любезно предоставила нам отрывок из книги А. Белинкова «Гибель и сдача советского интеллигента. Юрий Олеша», которая выйдет в свет летом этого года.

С горечью вписывает в список преступлений Елена Гончарова свою строчку — «По всей вероятности, никогда русским зрителям показывать „Гамлета” не будут», — одну из многих строчек длинного списка. Она хочет «...смотреть Чаплина...» «...смотреть знаменитые кинофильмы, которых мы никогда не увидим здесь».

Все это критики, писавшие об Олеше, яростно опровергают.

По мере того, как выясняется, что это так легко опровергнуть (высказывание писателя сравнивается с жизнью, и — раз! — писатель с треском опровергается!), они становятся все злее.

Как дважды два, критики разбивают всю эту олешинскую музыку.

Они доказали, что, вопреки утверждениям, вишневые деревья в нашей стране растут.

В рассказе «Вишневая косточка», как мы знаем, Олеша бродит по советской земле в поисках места, где можно посадить вишневую косточку. Где там! Страна покрыта железобетоном. У большевиков не хватит воображения подумать о цветах, о деревьях. В конце рассказа Олеша сдается. «Я вижу ясно, — обращается он к руководителю экскурсии, — здесь будет сад».¹⁾

«В садах Мичурина и его учеников Олеша не узнал бы своего вишневого дерева, не узнал бы винограда, который видят все его герои, лишь только закрывают глаза.

Он увидел бы там вишневое дерево, на котором праздничные алые вишни растут тяжелыми виноградными гроздьями. Он увидел бы там плоды — каким жалким кажется по сравнению с ними рог изобилия кавалеровских снов! — плоды, которые уже не яблоки и еще не груши, чудесные гибриды, пахнущие лимонами и апельсинами».²⁾

И вообще, если бы Олеша съездил в город Козлов или по крайней мере на завод «Богатырь», то никакой проблемы взаимоотношений интеллигенции и революции в его произведениях не возникло бы. Понятно? Вот так.

И с «Гамлетом» у Олеша тоже ничего не выходит.

Олеша говорит, что «Гамлет» советскому зрителю не нужен, и приводит высказывания советского зрителя по этому поводу. «Эта пьеса, которую нам показывали... очевидно, писалась для интеллигенции. Рабочий зритель ничего в ней не понимает...»

«В эпоху реконструкции, когда бешеный темп строительства захватил всех, противно слушать нудные самокопания вашего «Гамлета».

«Зачем ставить „Гамлета”, разве нет современных песей?».

Критик заявляет, что Олеша, деликатно выражаясь, несколько удалился от истины, ссылаясь на Маркса и Энгельса, которые думали о «Гамлете» совсем не так, как эти крайне отсталые слои населения, и настаивает на том, что спектакль «неослабно смотрится рабочими».³⁾

Происходит нечто необъяснимое.

Олеша заявляет: не вырастут вишневые деревья. А ему авторитетно отвечают: пожалуйста, приезжайте к нам в колхоз.

Писатель уверяет, что у нас не показывают Чаплина. А критики, торжествуя и похотывая, с достоинством идут на «Парижанку» и «Золотую лихорадку».

Писатель настаивает на том, что не будут показывать «Гамлета». А критики, посмеиваясь, утверждают, что будут. Говорят, даже в разных трактовках. В отдельных случаях даже совершенно размагниченного.

Между Юрием Олешей и его читателями идет длинный и странный спор.

Спор, которого быть не может.

Писателя опровергают жизнью.

Деревьями, кинокартинами, «Гамлетом», хотя, как всему миру известно, советские зрители не во всем согласны с рядом положений принца. В частности, они не согласны, что герой обзывает при всех, а не наедине, с глазу на глаз девушку «проституткой-потаскухой», «шлюхой»... Мы вообще отвергаем, когда произносят вслух унижающие человеческое достоинство слова. Мы уже не говорим о том, что отца этой, так называемой «проститутки», «потаскухи», «шлюхи», человека в высшей степени приличного, занимающего один из самых ответственных постов в государстве, он вообще убивает.

Создается впечатление, что писатель не выходит на улицу, не читает газет, не изучает жизнь, говорит Бог знает что.

Или он сознательно обманывает? Говорит, что деревья не растут, а сам знает, что растут?

Происходит недоразумение, причем, внешне скорее даже не социальное, а какое-то филологическое.

Когда критик Раздватрис-Гурвич говорит, что у нас растут замечательные вишневые деревья, то он это и думает: замечательные вишневые деревья. Он искренне удивляется, как это Олеша не видит их.

¹⁾ А. Гурвич, «Юрий Олеша», «Красная новь», № 3, 1934, стр. 221.

²⁾ Там же, стр. 214.

³⁾ Там же, стр. 219.

Но когда Юрий Олеша говорит, что ему некуда посадить вишневую косточку, из которой выросло бы дерево в память его неразделенной любви, то он думает не о дереве, не о вишнях и даже не о вареньи, а он думает о том, что гибнет все легко ранимое, тонкое и прекрасное, отмеченное неповторимой индивидуальностью. Гибнут вишневое дерево, жасмин, невеста, дружба, награда, девственность, слава...

Критик полагает, что между ним и писателем происходит такой разговор:

Писатель: Вишневые деревья не будут расти.

Критик: Нет, будут.

А на самом деле происходит совсем другой разговор:

Писатель: Гибнет поэзия.

Критик. Дадим стране 156 тыс. кубометров деловой древесины.

Такого разговора бытъ не может.

Такой разговор тысячелетиями ведут люди друг с другом, чудовищный разговор, прерывающийся войнами, мятежами, заговорами, убийствами, изменами, предательствами и отчаянием.

Разговоры героев Олеша с людьми, которые их окружают, и особенно разговоры Гончаровой, — это беседы глухих. Люди не понимают друг друга, не слушают, не слышат. Гончарова говорит, что будет смотреть за границей «знаменитые фильмы, которых мы никогда не увидим здесь», а мы отвечаем: «Наши фильмы, как, например, «Броненосец Потемкин», «Турксиб», «Потомок Чингисхана», завоевали себе полное признание в Европе». Все это совершенно непонятно. Гончарова говорит, что она хочет в Европу, потому что там можно увидеть какие хочешь замечательные фильмы, хочешь западные, хочешь советские, у нас же это невысказано, а ей отвечают: «Знаем, знаем, сами с усами». Люди не могут понять друг друга и не могут договориться.

Добрый, хороший человек Юрий Олеша полагает, что если бы люди слушали друг друга, были бы внимательны и терпеливы, то они без особенного труда смогли бы договориться. Но в реальной жизни, видит Олеша, все это получается совсем не так: системы нет, мышление людей деструктивно, каждый думает и говорит о своем, договориться ни о чем невозможно.

Не одного Олешу тревожило неумение людей договориться или уж хотя бы выслушать друг друга. Идеи, близкие тем, которые так милы автору «Списка благоденний», лежали в основе всех концепций общественного договора.

С настойчивой периодичностью они повторяются в истории социологической

мысли и разнообразными вариациями доходят до наших дней.

Пункты общественного договора во все времена последовательно разрушались ударами концепции «Глухой глухого звал к суду судьи глухого».

В общественном договоре всегда слишком много выбора и слишком мало вынужденности.

Олеша предлагает различные варианты разговора глухого с глухим.

Во всех вариантах Олеша и его противники оказываются опровергнутыми.

То, что в обеих концепциях — Олеша и его противников — нет выхода, не единственное, что роднит обе эти концепции.

И поэтому не случайно то, что Олеша и его противники так долго не могут понять друг друга только из-за недоразумения.

— Не поставят «Гамлета», — заявляет Олеша.

— Нет, поставят, — заявляют противники.

— Нет, не поставят.

— Нет, поставят.

Ну, поставили бы «Гамлета». Ну, пошел бы «Гамлет» в разных театрах и даже в разных трактовках. Ну, и что же? Разве Гончарова, говоря о «Гамлете», думает только о знаменитой пьесе (1601) знаменитого драматурга (1564—1616)? Ей же отвечают только «Гамлетом», спектаклем, идущим в театре...

Художник пользуется «Гамлетом», да не «Гамлетом», а словом, символом индивидуализма, сложного, недоступного, эстетского искусства, неинтересного и ненужного публике, а критик побивает его реальным спектаклем, на который даже в эпоху реконструкции, когда бешеный темп строительства захватил всех и когда идти некуда, может иногда пойти человек, купив билет за 15 руб. 50 коп.

Художник говорит о гибели индивидуализма, о сдаче интеллигенции, о катастрофах истории, а ему отвечают: — Смотрите, вишня какая сочная! и очереди почти совсем нет.

Идет длинный, странный, бесплодный спор реального предмета с метафорой, конкретных, единичных вещей с образами, ассоциациями.

Конкретные, единичные вещи, реальные предметы с метафорой, с образами не соединяются. Получается нечто раздражающее, нелепое. Жизнь превращается в странную фразу, во что-то вроде «шел дождь и два студента». Синтаксис спора между человеком, говорящим, что не будут ставить, и людьми, говорящими, что будут, тождествен организации фразы «шел дождь и два студента»: в обоих случаях

говорится о разных вещах, приведенных к минимуму единству словом, выполняющим разные обязанности: шел дождь, шли студенты, шел «Гамлет».

Это всеобщее, всечеловеческое непонимание, полное трагизма и глубины, бывшее в великой судьбе русского искусства, проскальзывает и в нескольких фразах Юрия Олеши.

Метафора не только самый любимый, самый лучший троп поэтики Юрия Олеши, но единственный отпущенный ему способ мышления.

Произведения Юрия Олеши славны не только тем, что в них есть много метафор, но и тем, что замысел каждого его произведения метафоричен.

И поэтому так иносказательно, так многозначительно, схематично, условно искусство Олеши. Это искусство аллегории, притчи. Здесь проблемы, декларации, выяснения взаимоотношений с миром, в котором писатель живет, вопросы, ответы, написанные очень хорошим языком с привлечением сравнений и метафор.

Известны случаи, когда критики, полемизировавшие с Олешей или обожествлявшие его, обладали большим грузом учености и даже некоторой сообразительностью. В связи с этим известны также случаи, когда они понимали, что художественное произведение отличается от самоучителя на гитаре тем, что в нем не все ясно. Эта неясность вызвана мерцанием вариаций смысла и многообразием дополнительных значений, которыми наделено слово-метафора.

Словом-метафорой исчерпывался интерес исследователей. «Ветер одувал рукав ее до самого плеча, окрывая руку струнную, как флейта. Афишка улетела от нее и упала в гущу, помахав крыльями» — Недурно, — говорили исследователи, — недурственно.

Потом они спохватывались, срочно делали выговоры по идеологической части и вежливо, но весьма настойчиво напоминали о необходимости поспешить с перестройкой.

На этом дело заканчивалось. Возникла классическая ситуация критического жанра: сказывалось, что мы имеем дело с блестящей формой и вызывающим серьезную озабоченность содержанием.

Писателя очень хвалили за хорошую форму и строго порицали за отстающее содержание.

Затем по закону ситуации следовал монолог с прославленными цитатами о благом единстве формы и содержания.

Но я не хочу отвлекаться побочными соображениями.

Метафора-слово — лишь частичный случай, лишь производное метафорического искусства, метафорического мышления Юрия Олеши.

В метафорическом искусстве Юрия Олеши главными были метафора-понятие, метафора-суждение, связывание сходством, разрозненных и разнообразных частей мира. Метафоричность Олеши не ограничена сходствами, схваченными наблюдающим внимательным и настроженным глазом.

Такая метафоричность считалась очень похвальной.

Она создала Олеше репутацию безупречного художника, тончайшего поэта, блестящего мастера. Здесь особенно не скупилась на похвалы, потому что это были пустяки, форма, которая, конечно, легко укладывалась в спокойное традиционное русло и ни на что не посягала.

Неудовольствие вызывала не какая-то «афишка, помахавшая крыльями», с которой трудно было бороться, да и не чувствовалось особой необходимости в этом.

Гораздо легче и важнее было бороться с метафорой «вишневое дерево» или «Гамлет».

В метафорическом искусстве Юрия Олеши только говорится «Гамлет», а подразумевается «свобода».

Героиня заявляет, что в Советском Союзе не ставят «Гамлета», а думает, что в Советском Союзе — нет свободы.

Об этом, разумеется, смешно было спорить, не так ли? Никто почему-то не хотел спорить, есть в Советском Союзе свобода или нет. И поэтому спор скоро переходил в иную плоскость.

Спорить можно было только так: писатель говорит, что у нас не ставят «Гамлета», а ему отвечают: «Пойдите, пожалуйста, в театр...»

В какой именно — почему-то не говорят.

Вот видите, до чего могут довести метафоры!

Ужасно до чего могут довести метафоры. Читая Юрия Олешу, забываешь, что в искусстве есть еще кое-что, кроме метафор. Или, может быть, в искусстве Олеши ничего, кроме метафор, нет?

Заглядевшись на олешинские метафоры, я забыл сказать, что весьма странное впечатление производит одно обстоятельство: никто из оппонентов Олеши не опровергал его простым способом, все время прибегали к каким-то очень уж сложным. Под простым способом я подразумеваю такой: «Вы говорите, не ставят „Гамлета“, а он идет в театре...». Вот про деревья говорили совершенно определенно, и уж тут

изобличали писателя как следует, с резко возрастающей силой. А что касается «Гамлета», то здесь разговор поспешно и даже несколько нервно переводили в область разведения руками, в сферу глупостей и в систему патетических восклицаний.

Чтобы покончить с этой темой, следует во имя торжества истины, которая всегда лежала в основе истории отечественного театрального искусства, сообщить, что «Гамлет» в эти годы в советском театре не ставился.

Написав о том, что Елене Гончаровой разрешили ставить «Гамлета», Юрий Олеша, как это с ним бывало частенько, приукрасил действительность и выдал желанное за уже реально существующее.

В Москве «Гамлет» не ставился с 1924 по 1932 год, а в Ленинграде с 1919 по 1938.⁴⁾

То, что писал Олеша, оказалось серьезнее того, что писали о нем критики. Критики рассчитывали одолеть Олешу, показав ему всю несерьезность конфликтов его произведений. Они проверяли писателя испытанным приемом — жизнью (по меньшей мере!). «Вот видите, — заявляли они, — вы говорите... А на самом деле...».

Это несерьезный конфликт, когда один утверждает, что не будут ставить спектакль, а другой опровергает его, тыча в афишу.

Настоящий конфликт начинается, когда становится ясным, что общество хочет отделаться пустячком: на метафору поэта, в которой за единичным значением предмета стоит много значений, общество отвечает единичным значением, конкретным предметом, арифметическим фактом, эмпирической частностью, ничем не являющимися и ничего не выражающими, кроме этого определенного предмета, факта, частности, этого дерева, этого «Гамлета». Общество прикидывается искренне не понимающим, чего хочет поэт.

⁴⁾ Театральная энциклопедия, Государственное издательство «Советская энциклопедия», т. 1, Москва, 1961. В статье «Гамлет» сообщаются такие сведения о постановках этой трагедии с 1917 по 1941 год: Академический т-р драмы (Птр) — 1919; Передвижной т-р драмы п/р Гайдебурова (Птр) — 1919; МХАТ П — 1924; т-р им. Руставели (Тбилиси) — 1925; т-р им. Азизбекова (Баку) — 1926; Горьковский т-р — 1937; т-р им. Хамзы (Ташкент) — 1935; Горьковский т-р — 1937; т-р п/р Радлова (Ленинград) — 1938; Воронежский т-р — 1941. Знаменитая постановка Н. П. Акимова 1932 года в театре Вахтангова даже не упомянута. О ней сказано лишь в статье «Вахтангова имени театр».

Герои Олеша хотят не только ставить «Гамлета» в театре им. Азизбекова, но иметь право на свободу, сомнения и выбор. Они хотят, чтобы в проекте была запланирована не только посадка фруктово-ягодных и декоративных. Они требуют незапланированную индивидуальность и незапланированную лирику.

Критики и некоторые другие люди, с которыми Олеше, поверьте, никак не желавшему этого, пришлось все-таки вступить в спор, не хотели уступить.

Эти критики понимали, что, уступив сегодня «Гамлета», завтра они вынуждены будут ставить «Кукольный дом». Ну, а после этого уже вообще ничего не остается, как открыть чайные домики. Пожалуйста, милости просим! Надо быть последовательными. Сказав А, нужно сказать и Б. Поэтому, открыв чайные домики, следует закрыть фабрики-кухни, академические театры, спортивные стадионы, музеи, школы, цирки, университеты, ясли, клубы, парки культуры и отдыха, кинотеатры, библиотеки и другие культурные учреждения, ибо кто же станет смотреть кино или ходить в ясли, если можно пойти в чайный домик?

Критики, с которыми даже такой умелый и на многое согласный человек, как Олеша, оказался втянутым в спор, обладали высокоразвитой последовательностью и были по-своему правы. Они предложили зазевавшимся людям такое условие задачи, при котором, сказав упомянутое А, зазевавшиеся люди вынуждены были к своему величайшему удивлению растерянно бормотать означенное Б. Они ничего не могли поделать. Они вынуждены были запрещать «Гамлета», потому что они боялись за «Чудесный сплав».

Но эти люди ошибались, уверяя, что такова логика борьбы. Это была не логика борьбы, а неправильные условия задачи. Ложная последовательность и иллюзорная самоочевидность привели к ложному и иллюзорному выводу. Казалось неизбежным и бесспорным, что если в тебя палат из 203-миллиметровой гаубицы, то неминуемо следует отвечать тоже гаубицей, а не пращой или вовсе — элегией(?!). Но это такая же лживая, надуманная, неумная и лишняя фантазия ясность, как и уверенность в том, что, кто сегодня посмотрел сомнительную картину, тот завтра обязательно зарежет родную мать. На выстрел не всегда следует отвечать выстрелом, а на подлость — подлостью не следует отвечать никогда.

В. ПИРОЖКОВА

Конрад Аденауэр К столетию со дня рождения

5 января 1976 г. исполнилось сто лет со дня рождения Конрада Аденауэра. Аденауэр только на несколько лет не дождался своего столетия. Он прожил длинную жизнь и был свидетелем великих перемен, крушений казалось бы незыблемых устоев, возникновения новых структур с большими претензиями и их скорого конца, он видел и пережил в жизни очень много и научился различать между поверхностным и временным с одной стороны и основным и непреходящим с другой. Он научился смотреть в глубину и различать контуры глубинных структур, ведущих в будущее, отвлекаясь от мелкой мышиной возни на поверхности.

Конрад Аденауэр родился 5 января 1876 года в Кельне в семье юриста. Окончив известную тогда в Кельне гимназию имени 12 апостолов, Аденауэр изучал право в университетах Фрейбурга, Мюнхена и Бонна. В 1901 г. он сдал государственный экзамен и стал ассессором. Сначала он работал в прокуратуре Кельна, потом адвокатом и, наконец, судьей. В 1906 г. Аденауэр был избран депутатом города Кельна, в 1917 г. — главным бургомистром Кельна и оставался на этом посту 17 лет.

Одновременно с первым избранием в бургомистры Аденауэр был избран депутатом в Верхнюю палату Прусского ландтага (Рейнская область принадлежала тогда Пруссии). С 1918 по 1932 г. он был председателем Прусского государственного совета.

Занявшись политической деятельностью, Аденауэр, как верующий католик, присоединился к тогдашней католической партии, так называемой Партии центра. Он стал членом президиума этой партии и оставался им до 1933 г.

Уже тогда Аденауэр жалел, что эта партия только католическая, ему хотелось создать христианскую партию на более широких основах. Но создать ее ему удалось только после второй мировой войны. В период между двумя мировыми войнами Аденауэр задумывался о том, как бы прекратить вражду между Францией и Германией, как бы сблизить эти две великие европейские державы. Его родина, Рейнская область, входившая в состав Пруссии, отличалась от последней своей историей, вероисповеданием и характером населения. Аденауэру уже тогда казалось, что эта область может стать мостом между Франци-

ей и остальной Германией, если она получит немного больше автономии. Враги Аденауэра приписывали ему узко сепаратистские настроения, но на самом деле он был далек от всякого провинциализма и уже тогда мыслил в европейских сверхнациональных категориях. Он рано начал понимать, что время мелких европейских национализмов отходит в прошлое и что спасение Европы в ее объединении.

Но Германии пришлось пережить еще взрыв весьма агрессивного национализма. Враждебность Аденауэра по отношению к национал-социализму была известна. 12 марта 1933 г. он был смещен с поста бургомистра и потерял все другие политические должности. Аденауэр ожидал ареста и укрывался временно в известном бенедиктинском монастыре Мария Лах.

Ф. А. Степун писал в своих воспоминаниях «Бывшее и несбывшееся» что, может быть, судьба России была бы иной, если бы Керенский любил удить рыбу. Необходимость хоть на время выйти из круга непрерывного движения и задуматься над судьбами мира и России предохранили бы его, может быть, от проигрыша его дела, а тем самым и России большевикам. У Аденауэра была совсем иная возможность обдумать судьбы Германии и Европы в монастырской тиши, в общении с монахами, отошедшими от мирской суеты. Когда непосредственная опасность ареста миновала, Аденауэр переехал в свой дом в Рендорфе с розарием, где он продолжал жить, став канцлером.

В непосредственном сопротивлении Гитлеру, в заговорах против него Аденауэр участия не принимал, потому что, будучи трезвым реалистом, не видел возможности успеха такого заговора. Но он также ни на минуту не сомневался в том, что война гитлеровской Германией будет проиграна и платить за это придется всей Германии как таковой, всему ее народу. В годы его вынужденного бездействия у него зрели планы объединения Европы, которую он, как и в прежние годы, хотел построить прежде всего на союзе с Францией.

Впоследствии Аденауэра его противники нередко упрекали в упрощительстве, но сам он считал это не упреком, а комментарием. Для того, кто смотрит на вещи поверхностно, все неясно, сложно и запутано, для того же, кто смотрит в глубину — все

просто и ясно. Аденауэр научился различать главные линии исторического развития, научился отбирать главное от второстепенного и спокойно, без торопливости, но с неуклонным постоянством преследовать те цели, которые он признал важными и главными.

После покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Аденауэр был арестован по подозрению в соучастии. Начальник тюрьмы, отбирая у него пояс, галстук и шнуры от ботинок, сказал ему, что отвечает за его жизнь, а почти 70-летнему старцу, которому от жизни уже больше нечего ожидать, может прийти в голову лучше покончить собой, чем сидеть в тюрьме. Но глубоко верующий христианин Аденауэр никогда не наложил бы на себя рук. Через несколько месяцев он был выпущен, так как не удалось установить связи между ним и заговорщиками.

После капитуляции Германии американцы, занявшие Кельн, восстановили его в должности кельнского бургомистра. Но область Кельна отошла к англичанам, и последние снова сняли его с этого поста, запретив ему всякую политическую деятельность за то, что он обратился через их голову с письмом к генералу Эйзенхауэру.

Аденауэра этот вскоре снятый запрет не беспокоил, и он принял участие в создании новой партии, христианско-демократического союза, который 20 лет составлял правительство послевоенной Германии. Эта христианская партия была создана так, как этого уже давно хотел Аденауэр, т. е. из христиан обоих главных вероисповеданий Германии.

Аденауэру было 73 года, когда он в 1949 г. стал первым канцлером послевоенной Западной Германии. Он получил страну в ужасном состоянии: разрушенная войной и демонтажами победителей, не богатая естественными ресурсами и потерявшая лучшие сельскохозяйственные области, Германия должна была еще принять и интегрировать 12 миллионов немцев, высланных из тех областей, которые отошли к Польше. Кроме того, население было духовно фрустрировано сначала ложной и приведшей к огромным жестокостям идеологией, потом полной военной и государственной катастрофой страны.

Аденауэр со своей старческой мудростью, ясным пониманием как глубинных духовных основ, так и непосредственных политических реальностей и убеждением, что есть вечные ценности, которые никогда нельзя ставить под вопрос, вернул своему народу доверие к себе, возвратил надежду на то, что жизнь и политика должны и могут строиться на основе этих непреходящих

ценностей, что никак не означает неэластичности в практической деятельности.

Решение Аденауэра искать союза с западными демократическими державами обуславливалось не случайным фактом присутствия на территории Западной Германии союзных войск, а принципиальными причинами, убеждением, что свобода, в том числе свобода совести, и человеческое достоинство могут быть гарантированы только свободной системой, а не идеологическим коммунистическим тоталитаризмом. Но при этом решении перед Аденауэром стояла трудная задача: превратить Западную Германию в равноправного союзника западных победителей.

Для этого ему пришлось принимать и пробовать в борьбе с социал-демократической оппозицией весьма непопулярные решения. Так он не побоялся временно уступить Саарскую область Франции, твердо надеясь на то, что Франция, в конце концов, не воспротивится референдуму, самоопределению населения Саарской области. Аденауэр не обманулся в этом своем ожидании. Вторым весьма непопулярным решением было вооружение Западной Германии, создание новой армии, но Аденауэр понимал, что равноправной Германия может стать только внеся свою лепту в оборону Запада.

Когда Аденауэра однажды спросили, какое качество для политика является самым важным, он сказал, что его ответ, вероятно, удивит спрашивающего: самое важное качество — это мужество. Да, политик должен много знать, уметь правильно оценить ситуацию, принять правильное решение, но без мужества все эти качества бесполезны. Политик должен иметь мужество не отступать от того, что он признал правильным, как бы это в данный момент ни было непопулярно. Он должен иметь мужество бороться и добиваться того, что им признано как правильное и нужное, несмотря на самое сильное сопротивление. Сам он обладал этим мужеством.

Аденауэр чрезвычайно ценил хорошие отношения с самым мощным союзником Германии — США, и когда при его посещении этой страны он возлагал венок на могилу Неизвестного солдата, причем американский офицер нес за ним германский флаг, а американский военный оркестр играл германский национальный гимн, это было для Аденауэра внешним признаком приобретенного равноправия. Но главной своей задачей он считал объединение Западной Европы. Он был пророзливее и в известном отношении прогрессивнее многих молодых: он понимал, что для Европы время отдельных национальных государств

прошло. Если Европа хочет устоять в грядущих потрясениях, она должна объединиться. Конечно, дело шло сначала об объединении свободной части Европы, союз которой должен был оставаться открытым для стран Восточной Европы по мере их освобождения от коммунистической диктатуры.

Объединение Европы должно было начаться с тесного союза Германии с Францией. Примирение с евреями и союз с Францией — его давнишняя мечта — эти два момента были очень важны для Аденауэра. Роберт Шуман и де Гаспери поняли его, и так возникли первые контуры объединенной Европы. Но затем именно Франция в период правления Мендес-Франса нанесла этому зреющему объединению сильный удар: она отклонила объединенные вооруженные силы Европы. Шуману и де Гаспери не дано было жить и действовать так долго, как Аденауэру, а сменившая их политическая мелюзга не могла подняться выше сегодняшнего дня и заглянуть в будущее.

Де Голль отверг формулу «Отечество Европа» и внес вместо нее свою: «Европа отечеств». Аденауэр понял, что его европейские планы отодвигаются вдаль. Но он не впал в уныние. Терпеливо он начал свою работу сначала, и ему удалось заключить с де Голлем договор о дружбе. Де Голль сначала ставил на немецкую карту. Он предлагал очень тесную дружбу. Каждые полгода то президент Франции со многими министрами должен был проводить несколько дней в Бонне, то канцлер Германии со своими министрами в Париже. Постепенно каждый шаг этих двух самых значительных западноевропейских государств должен был быть координирован.

Аденауэр всецело поддерживал этот план, но ему не дали довести его до конца. Он оставался на посту канцлера 14 лет и мог бы остаться еще два года, т. е. до конца легислатурного периода, так как он победил на выборах 1961 г. Но его собственная партия настаивала на его преждевременном уходе и замещении его хорошим хозяйственником, но совершенно неспособным политиком Эрхардом. Эрхард и его министр иностранных дел Шредер свели дружбу с Францией на нет, опасаясь гнева англосаксонских держав.

Но Аденауэр сам не поставил бы на карту свою дружбу с США. Отношения с ними были весьма гармоничны при жизни Даллеса. Однако, молодой самонадеянный и очень плохо понимавший политическую ситуацию президент Кеннеди не любил Аденауэра и неизвестно почему боялся тесного союза Франции и Германии. «Англосаксон-

ская партия» внутри Христианско-демократического союза разрушила тесную дружбу с Францией, не получив взамен ничего от США и Англии. Разочарованный де Голль обратил свои взоры в сторону Москвы. Так начался распад того европейского объединения, начало которого положили три мудрых старца — Аденауэр, Шуман и де Гаспери.

Аденауэр не отказывался от политических переговоров и с Москвой. Он поехал туда в 1955 г., когда его пригласили. Но несмотря на то, что тогда война и поражение Германии были еще свежи, Аденауэр не был склонен ни к каким уступкам. Он готов был установить дипломатические отношения с Москвой, но и только. Он не только не подчинился требованиям Москвы, но он сам требовал возвращения 38 тыс. военнопленных и других застрявших в Сов. Союзе немцев, хотя Хрущев сказал ему в первом разговоре, что в СССР нет больше ни одного военнопленного. И все же они нашлись, все 38 тыс., и все были отправлены в Германию. Когда Молотов попробовал пугать Аденауэра гитлеровским прошлым Германии, Аденауэр спросил его: «А кто подписал договор с Гитлером, я или вы?». А когда на него попробовали нажимать, Аденауэр приказал паковать чемоданы. И Москва уступила. Она уступила во всем человеку, за спиной которого не стояла тогда ни военная, ни хозяйственная сила, у которого была только личная сила воли и стойкий характер.

Уже находясь в отставке как канцлер, Аденауэр 16 февраля 1967 г. выступил в Мадриде со своей последней значительной речью. Он еще раз призывал Европу объединиться, но, конечно, без включения в это объединение Сов. Союза, так как эта огромная коммунистическая сила раздавила бы остальные государства Европы. Для спасения Европы он не видел иного пути кроме объединения. Этот призыв, обращенный к Европе, был «лебединой песнью» канцлера. 19 апреля того же года он скончался.

На его похороны съехался весь мир, американский президент Джонсон, французский президент де Голль, многие премьер-министры, хотя дипломатический протокол их к этому не обязывал: ведь в момент смерти Аденауэр был «только» канцлером в отставке. Но они знали, что из мира ушел последний великий европейский политик.

Все почтили память Аденауэра, но не нашлось никого, кто прислушался бы к его тревожным предупреждениям. Вилли Брандт оказался первым канцлером после Аденауэра, который внес новые идеи в гер-

манскую политику, и он настойчиво называет себя преемником Аденауэра. Но если он и преемник, то такой, который роковым образом поставил все то, что у Аденауэра стояло под знаком плюс, под знак минус. Он не только во всем уступил Москве и другим коммунистическим государствам, не получив взамен ничего, он полностью переменял идею объединения Европы, он хочет не западноевропейского, а общеевропейского решения, и не потому, когда ныне коммунистическим государствам удалось бы избавиться от коммунизма и обрести свободу, а именно уже теперь. Не обращая внимания на предупреждение Аденауэра в его последней речи, Брандт стремится включить Сов Союз в европейское объединение, а потому торМОзит сближение западноевропейских государств. В то время как другие европейские политики

живут со дня на день без всяких далеко идущих планов, Брандт планомерно преследует свою цель общеевропейского объединения, время от времени приоткрывая покрывало, накинутое им на его действительные замыслы. При теперешнем параличе всей западной политики, кто знает, может быть, ему и удастся это катастрофическое объединение Европы. Но пока на пути его планов стоит еще все тот же Аденауэр, которому удалось так хорошо консолидировать Западную Германию, что Брандту приходится очень медленно и осторожно ее расшатывать, он не мог расшатать ее одним наскоком, как он было попробовал. И есть надежда, что при этом медленном процессе еще выявятся силы, которые его остановят и повернут развитие снова на курс Аденауэра.

Игумен ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ)

Сопроводительная записка

Статьи могут не вызывать реплик по двум причинам: либо они выше среднего читательского уровня, либо — ниже. В первом случае беда невелика — отголоски могут возникнуть и позже. Второму же случаю оправдание такое: если не о чем говорить, то и незачем говорить. Статья же В. Борисова «Национальное возрождение и нация-личность», напечатанная в сборнике «Из-под глыб», вызвала полемическую статью В. А. Пирожковой («Новый журнал», № 119) «Нация — соборная личность?», которая, в свою очередь, вызвала нашу статью «Многонациональность и разноязычие — благословение или проклятие?». И это хорошо — тема, значит, оказалась животрепещущей и злободневной.

Наша статья, показанная в машинописи знакомому, вызвала уже реплику еще до напечатания. А так как затронутая им тема — существенная, хотя и не стоящая в прямой связи с основной темой статьи, мы решили заблаговременно написать соответственное разъяснение. Вот слова нашего корреспондента:

«Мне было больно прочитать Ваши слова о том, что русский народ „можно с равным основанием назвать и сатаноносцем”. Ошеломительна несправедливость и, простите, чуждость такого взгляда на русский народ (кроме того, как можно такое поистине страшное обвинение бросать мимоходом, походв!). Где, когда русский народ конструктивно осуществлял сатанизм? Ког-

да ломал церкви и насаждал ГУЛаги? И искал „светлого будущего всего человечества”? Так теперь, слава Богу, становится повсеместно известно, кто насаждал лагерь, кто верховодил сатанинской идеей! Назовите русский народ как угодно — околпаченным, одураченным, духовно слабым и внутренне непрочным (кстати, у нас обманывали штыком и пулей, поголовно истребляя русское духовенство и лучшие слои русского общества, а вот на Западе это одурачивание происходит куда более мирно, и, увы, успешней). За что же такая жестокость именно к русскому народу? За его ненавидимый всеми «мессианизм»? А кто знает, окажись в таком мертвом кольце тоталитаризма Европа, останется ли в ней хоть один верующий? А если — русский «мессианизм» — страдательный, жертвенный — действительно существует? Пережить такое — и не уничтожиться, не сгинуть как нация, а потянуться снова к истокам веры — здесь и в самом деле есть о чем поразмыслить».

1. Отведем сперва упрек в неуважении к идее русского мессианизма.

Недавно я послал в редакцию одного из зарубежных журналов заметку именно на эту тему, но так как я до сих пор не получил ответа, принята она к печати или нет, считаю себя свободным привести ниже ее содержание. Не грех, если она будет напечатана в обоих журналах.

ОПРАВДАНИЕ МЕССИАНИЗМА

Сказал как-то Г. Федотов, что понятие рационализма столь затаскано, что его стали употреблять как бранное слово. То же самое можно сказать и о мессианизме. Установлению границ, исторических, семантических и идеологических, этого понятия мы посвятили достаточно внимания в другом месте,*) здесь же нам хочется сказать несколько слов на эту злободневную тему в связи со статьей Н. Валентинова, ныне покойного В. Вольского, напечатанной в № 119-м «Нового журнала», «Опасность мессианизма». Перу этого автора принадлежит и другая статья, озаглавленная «О русском мессианизме», напечатанная тоже в «Новом журнале» (№ 90). Приведем несколько цитат, *против* которых мы и составили настоящую заметку.

Н. Валентинов точкой отправления избрал полемику о мессианизме (русском) между кн. Е. Трубецким и Н. Бердяевым и принял сторону Трубецкого, оспаривавшего достоинства и *raison d'être* русского мессианизма. Он с апробацией цитирует в первой хронологически статье слова Трубецкого «Русская религиозная идея должна быть очищена от фантастических примечаний, и первый шаг в этом направлении должен заключаться в отречении от русского национального мессианизма». «Из всего, что я очень кратко изложил, будет понятно, почему в 1912 г. я с таким удовольствием прочитал статью Е. Трубецкого, бичующую мессианский агрессивный национализм (вегетарианского мессианизма, особенно у больших наций, нет в природе, он *всегда с ножом!*). В более поздней же статье читаем: «Хомяков несомненно заразил Бердяева идеей русского мессианизма, и при всех духовных метаниях Бердяева она уже никогда не покидает его. Но мессианизм и национализм органически связаны. Кроткий, вегетарианский мессианизм, *никого не кусающий*, трудно себе представить. В особенности у большой нации. У нее почти всегда наступает момент, когда мессианизм начинает *зловеще скалить зубы*» (курсив наш. — И. Г.).

За такое понимание мессианизма вину несет прежде всего Н. Бердяев, который жонглировал этим термином как красным словом, как хотел и когда хотел, иногда даже в противоречивых сопоставлениях и смыслах. Именно в качестве реакции на это и была написана Е. Трубецким статья «Старый и новый национальный мессианизм», напечатанная в «Русской мысли» (1912 год), на которую ссылается Валентинов. Даже тот же Федотов, в статье, озаглавленной «Национальное и вселенское»

(«Ветник РСХД», № 6, 1929), писал: «Не горделивое спасение мира, а служение своему призванию, не „мессианство“, а миссия, путь творческого покаяния, трудовой трезвости, переоценка, перестройка всей жизни — вот путь России, наш общий путь». Правда, слова эти были написаны за десять лет до того, как германские культуртрегеры показали, чем оборачивается *миссия*, если она не имеет ничего общего с Мессией. А другая «миссия», марксистская, показывает уже долго и еще покажет, во что выливается «антимессианство».

В начале этого века левые, революционно настроенные публицисты, начав бороться с крайне правым славянофильством, ополчились, в конце концов, и на все, что связано было с русским национализмом и, привыкнув легко расточать «черносогенные» эпитеты всему *правому*, расщедрились таким образом и на мессианизм. Но каждый добросовестный исследователь этой идеи знает, сколь несостоятельно и вредно такое смешение понятий. К сожалению, по легкому дореволюционному почину, оно еще бытует в умах многих «историософов».

Не имея возможности в этой краткой заметке изложить подробно этимологию, семантику и историю этого термина как историософско-интерпретационной категории (а в таком именно смысле мы должны рассматривать явление русского мессианизма), мы предлагаем самое общее определение: *мессианизм есть историческая идеология, согласно которой жизнь народа во всех ее областях должна опираться на принципы христианской этики*.

Если кто-либо возразит, что на высокое звание мессианизма притязали идеологии различного достоинства, то припомним ему поговорку, что «abusus non tollit usum». Критикуя отдельные явления мессианизма или, вернее, отдельные виды мессианизма, надо указать конкретно, какой или чей мессианизм имеется в виду, какой аспект его подлежит критике, но не шельмовать мессианизм как таковой «a priori et in abstracto».

Понятие мессианизма отчасти перекрывается с понятием национализма, русского и православного, являясь его светлой, сублимированной стороной. Национализм же профанированный вырождается в нацизм, или же в антитезис последнего — интернационализм.

По скверной традиции и в настоящее время, когда речь идет о крайнем, реакционном, разжигающем национальную вражду *шовинизме*, употребляется безответственно слово *мессианизм*: а это действительно «abusus».

Если мессианизм, в духе любви Христовой, и требует иногда поступиться кое-

какими свойствами или прерогативами естественного национализма, то это ради сверхнационализма, а не нацизма или интернационализма, а это — большая разница. Мессианиззм есть *идея* христианского государства, его *норма, энтелехия, призвание*. И если даже чистое воплощение ее в конкретном историческом опыте и неосуществимо, то, все-таки примеряясь к ней как к эталону, совесть народа сможет направлять его жизнь по путеводной звезде христианской этики.

2. Относительно того, кто «ломал церкви и насаждал ГУЛаг'и», у нас имеется особая статья и мы будем рады, если кто-либо захочет ее напечатать, однако на этот вопрос мы самым решительным образом отвечаем: и русский народ!

3. Что же касается выражения «сатаноносец», то мы его употребляем не в порядке аффирмации, а лишь в качестве антитезиса к выражению Достоевского — «богоносец». По существу — оба выражения метафоричны; оба выражения, взятые в своей исключительности, ложны; в обоих — можно найти относительную истинность. Уже со времен Платона известно, что всякое утверждение восполняется противоположным. Или, иными словами, тезис и антитезис сторнируются (взаимосносятся) в своих элементах ложности и «накладываются» или сочетаются в элементах истинности. Поэтому мы предлагаем такое решение: русский народ ни «богоносец», ни «сатаноносец», или же: русский народ отчасти «богоносец», отчасти же «сатаноносец». Ибо в русском народе можно найти много примеров святости и много примеров крайней греховности. «Голубые канты» из «Архипелага ГУЛаг'а», скажем, будучи частью русского народа — причастны «теофорнос-

ти» или «сатанофорности»? А возьмем того же самого Достоевского, вернее, — его героев и антигероев: светозарные личности типа старца Зосимы, Алеши и др. сомнения не вызывают — они «богоносцы», но, по праву контраста и противоположности, как же не назвать «сатаноносцами» Шигалева, Верховенского, Смердякова и др.? В одном и том же отдельном человеке существует два противоборствующих начала (Римл. гл. 7), и это хорошо отмечал «антиномичный» Достоевский, хотя бы в известной, впрочем богословски отчасти сомнительной, формуле о сердце человеческом как арене борьбы между Богом и дьяволом. Чем сложнее реальность, тем менее она однородна. В этой связи уместно будет сослаться на Питирима Сорокина, к сожалению, мало известного в русских мыслительских кругах (он писал в эмиграции по-английски). В книге «Современные исторические и социальные философии» (Нью-Йорк, изд. Довэр, 1963) он убедительно доказывает, что всякая социально-культурная система, начиная с отдельной личности и кончая сверхсистемами, никогда не бывает вполне интегрированной смыслово-причинной системой, а, наоборот, — всегда представляет собой совокупность, в порядке сосуществования, многих культурных систем — частично гармонических, частично индифферентных и *частично противоречивых* друг другу систем (стр. 203). Вот, исходя из этого, я и говорю, что логические основания назвать русский народ «богоносцем» или «сатаноносцем» одни и те же: все зависит от того, что мы имеем в виду.

*) См. 7, 8, 10 и 11 тетради «Философем и теологуменов».

Многонациональность и разноязычие — благословение или проклятие?

Статья В. Борисова «Личность и национальное сознание», напечатанная сперва в сборнике «Из-под глыб», а затем в «Вестнике РСХД» (№ 112—113), вызвала ответ В. А. Пирожковой, поместившей в «Новом журнале» статью «Нация — соборная личность?» (№ 119). В. Пирожкова пишет, что она во многом согласна с Борисовым (стригание веры в прогресс, отказ рассматривать науку как гарантию нравственного совершенствования, укорененность личности и ее достоинства в Боге и т. д.). К этим темам она дает свои расширенные комментарии и заключает свою положительную

критику словами: «Борисов сказал о личности и ее укорененности в Боге так хорошо, что повторять сказанного им не нужно. Просто мы со всем этим согласны и очень рады тому, что в Сов. Союзе появляются молодые люди, умеющие так глубоко мыслить и не боящиеся выразить это в печати».¹⁾

Однако в статье Пирожковой имеются и возражения против некоторых формулировок Борисова и возражения вполне обос-

¹⁾ В. А. Пирожкова, Нация — соборная личность? «Новый журнал», № 119, стр. 206.

нованные (за исключением одного, к которому мы придем несколько ниже). И на наш взгляд Борисов делает слишком сильный упор на нации за счет личности, так что получается, будто последняя является производной от первой. А это уже выливается в некий детерминизм и напоминает нам, отчасти, позицию Гегеля относительно государства, в котором он усматривал *высшее* проявление Духа, личности же отдельного человека предоставлял положение *подчинения* государству. Стоило левому гегельянцу Карлу Марксу заменить государство классом, пролетариатом, и достоинство человеческой личности совсем растаяло перед лицом *коллектива*. У Борисова замечается тенденция на место гегелевского государства и марковского коллектива поставить нацию... Это у него выглядит патриотично и благородно, но такая несколько преувеличенная тенденциозность таит в себе опасности. Лучше уж держаться христианской точки зрения на личность, гениально развитой и формулированной в философии Кантом. Бог воплотился в человека, а не в нацию, и этот факт должен быть краеугольным камнем всех христианских антропологов. Реальность личности генетически и хронологически предваряет реальность нации. Личность вообразима и вне нации. Однако не стоит и преуменьшать влияние нации на формирование личности и лучше всего признать, что это суть взаимовосполняющиеся величины, причем соотношение силы влияния обеих по всей вероятности пропорционально духовно-интеллектуальному удельному их весу (подобно взаимному притяжению, например, земного шара и отдельного человека, пропорционального их соответствующим массам).

Исключением из этого правила являются, конечно, гениальные личности, влияние которых на культуры своей нации и, посредственно, всего человечества не поддается учету.

Между индивидуальным человеческим организмом и организмом народным существуют некие аналогии, подобно тому, как они существуют и между человеком и машиной (роботом, компьютером), но это всего лишь аналогии. Если еще допустимо сказать, что каждая нация имеет свое *лицо*, то говорить о нации как о личности в полном смысле этого слова не приходится, разве что в порядке метафоры. В противном случае понятие *личности* потеряет свои очертания. Будь нация действительно личностью, в ней должен был бы существовать единый центр самосознания и единая воля поведения, которые детерминировали бы самосознание и волю личности челове-

ческой, индивидуальной, а это снимало бы всякую ответственность, нравственную и гражданскую, с отдельных личностей.

Именно к этому и стремится, между прочим, коммунистическая партия по отношению к тем людям, которые беззаветно и совершенно некритически относятся к ее повелениям. Однако сам факт, что партия преследует тех людей, которые мыслят самостоятельно и поступают согласно свободно принятому нравственному кодексу, свидетельствует о том, что такой зависимости между партией (или же у Борисова — нацией) и индивидуумом нет.

Ссылка Борисова на Достоевского («Нация есть ничего больше, как *народная личность*»)²⁾ не является непрерываемо авторитетной. У Достоевского были и другие выражения, весьма меткие и броские, которые следует принимать «*cum grano salis*»... К ним, например, можно отнести утверждение, что «красота мир спасет» или что «русский народ — народ-богоносец». О красоте уже говорили в наш век, что именно ее-то самое надо спасать, а относительно второго выражения, после нашего революционного опыта, можно было бы сказать, что с равным основанием можно его назвать и народом-сатаноносцем. Возможность предельного отклонения вправо свидетельствует о возможности предельного отклонения и влево.

В. Пирожкова в одном месте своей статьи говорит, что у Борисова нет определения нации, и сразу же оговаривается, что то определение, которое он все-таки дает (нация есть соборная народная личность) — неточно и расплывчато. Отметим, что более точного определения не дает и она. И нам кажется, что определение Достоевского—Борисова не совсем удачно, хотя и выразительно. Термин *соборность* пусть уж остается за членами Церкви как тела Христова, глава которого — Он Сам. Личностью называл нацию и Н. Бердяев, но — в аспекте терминологии и логики — с последнего и «взятки гладки»: Бердяев ведь «самоподобен».

Есть у Борисова несколько не совсем убедительных цитат из Св. Писания, но, как нам интуитивно кажется, он и не настаивал бы на них, если бы ему во-время можно было указать на их «притянутость». В частности, он цитирует и Леонтия Византийского, что «всякая природа содержится в чьей-то личности и не может иметь иного существования».³⁾ Борисов делает из этого вывод, что «христианство принесло

²⁾ Из-под глыб, Сборник статей, YMCA-Press, Париж 1974, стр. 205.

³⁾ Там же, стр. 210.

в мир представление о множественности личностей единого человечества» и вдруг, на наш взгляд без основания, добавляет: «и не только *индивидуальных*, но и *народных*». ⁴⁾ О единоприродности и многожесткости человечества писал и прот. Василий Зеньковский в своей книге «Основы христианской философии», но он имел в виду индивидуальные человеческие ипостаси, а не народные.

Мы не можем не согласиться с В. Пирожковой, отвергающей три тезиса Борисова, что 1) нация есть абсолютная ценность, 2) нация есть соборная личность и 3) человек рождается национально определенной личностью. Но, в оправдание Борисова, мы должны принять во внимание оговорки его, которыми он в значительной степени смягчает значение вышеприведенных тезисов. И еще больше блекнет острота этих тезисов в сиянии того пламени любовного, которое молодой автор и не старается скрыть по отношению к родной, русской нации.

Возможно ли точное определение «нации»?

Не в укор кому-либо или в назидание, но для обмена мыслями хотелось бы предложить читателям (и писателям) нижеследующие соображения по этому поводу.

Во-первых — терминологическое замечание. Краткое определение понятия, в виде суждения «А» есть «Б», я называю *дефиницией*. Определения же в более пространной форме, какие мы встречаем в больших энциклопедиях, состоящие из описания и перечисления различных признаков и значений, я предлагаю называть именно *определениями*. (На упрек, что я ввожу ненужные «галлицизмы», я отвечаю ссылок на то, что употребляем же мы слова-близнецы: «один» и «единый», «глава» и «голова», «детский» и «инфантильный» и т. п., которые, хотя и очень близки по значению, все же отличаются тонким оттенком смысла).

Отметим, что в дефиниции-суждении имеется субъект (подлежащее), связка и предикат (сказуемое), причем последнее никогда не выражает *исчерпывающе* первого. О «дефиниционной немощи» нашего языка свидетельствует следующий пример.

Есть у меня друг, Иван Петрович Степанов, которого впредь будем именовать сокращенно ИПС. Задаю себе вопрос, какого рода дефиницию его можно составить? И сразу напрашивается ответ: дефиниция будет зависеть от того, с какой точки зрения мы его будем рассматривать. Поэтому

возможен ряд дефиниций; некоторые из них приводим ниже.

Физическая: ИПС есть тело, занимающее пространство энного количества кубических сантиментов, весящее энное количество граммов, обладающее в данное время температурой 36,6° Ц и т. д.

Химическая: ИПС есть совокупность следующих компонентов: железа — столько-то, меди..., фосфора..., кальция..., магния... и т. д.

Органическая: ИПС есть индивид, рода Homo, семейства Homonidae, класса Mammalia, состоящий из энного числа клеточек мозговой, костной, мускульной... тканей, из энного числа желез, выделяющих такие-то секреты, служащие таким-то и таким целям, производящий электрическую, тепловую, механическую, психическую, ноэтическую энергии и т. п.

Физиологическая: ИПС болел такими-то болезнями, слегка увеличенная печень, артрит, повышенное давление, близорукый и т. п.

Психологическая: ИПС бодрый, веселый, несколько легкомысленный, оптимист, любитель шуток и анекдотов, легко воспаляющийся, но не постоянный и т. п.

Ноэтическая: ИПС — мыслитель, обладающий синтетическим складом ума, позитивист, эмпирик, атеист и т. п.

Биографическая: ИПС — русский, родился в таком-то году, там-то, окончил медицинский факультет там-то и тогда-то, врач, хирург, директор такой-то клиники, демократ, офицер запаса, член общества покровительства животных и т. п.

Как видно, эти дефиниционные характеристики можно было бы продолжить в трех направлениях (физико-химическом, органическом и смысловом) практически до бесконечности. Однако паразитичным кажется нам то, что кто-либо, прочитав их все, но не зная ИПС в лицо, может пройти мимо ИПС на улице и не опознать его совершенно! Но если бы данное лицо познакомилось с ИПС и сухие данные отождествило с живой личностью его, то все еще далеко было бы до адекватного познания ИПС, ибо как не вспомнить о житейской народной мудрости, гласящей, что «чужая душа потемки», «чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть» и т. д. А можно с человеком и пуд соли съесть, а все-таки и не предвидеть, на что этот человек способен в минуту опасности или испытания.

Из этого мы видим, что любая дефиниционная попытка всегда фрагментарна, выявляет структурные, идеальные, т. е. *ведные* связи и элементы, тогда как достиже-

⁴⁾ Там же, стр. 209.

ние реальности в ее целом требует интуитивной координации познающего и познаваемого, требует очевидности, *бытийной* наличности.

Итак, если определение одной личности столь сложно и несовершенно, то что же говорить об определении нации? Как одной дефиницией охватить Киевскую Русь, Московское Царство, Империю Петра I и теперешнюю, тоже московскую, державу, имеющуюся СССР?

Дальше: если в какой-то степени правильным будет сказать, что личность человека не есть то, что он есть, а чем он становится, то *mutatis mutandis* то же самое можно сказать и о нации. Есть эмпирика и статика нации, а есть ее динамика и ее эйдос. Борисов прав, когда утверждает, что Бог имеет особый замысел не только об отдельной личности, но и о народах-нациях. Это — аристотелевская *антилехия* народа, часто называемая *идеей* (например, *русская идея*). Познание этого эйдоса, или, иными словами, *метафизика нации*, предполагает дар высокой чуткости и далекой зоркости у познающего: это особая харизма. Но, даже и обладая такой историософской харизмой, человек не может притязать, что его историософский миф есть нечто окончательное и адекватное. Можно сказать, что идея нации постигается в меру духовного роста того, кто формулирует ее, и то, что ему открывается, есть сочетание постепенно открывающегося божественного замысла о нации с несовершенным человеческим «нациесозерцанием».

Однако невозможность адекватного определения нации не должна быть оправданием принципиального отказа от *поисковых* дефиниционно-творческих попыток. Дефинируя, мы сами вживаемся в идею, которую определяем.

Возьмем, для примера, несколько таких попыток (открытых к будущим исправлениям и восполнениям), взятых из подручных пособий.

«Капсульная» дефиниция Томаса Карлейля: Нация — это земля и предки.

Метафорическая дефиниция Ф. М. Достоевского: Нация — это народная личность.

Рудиментарная дефиниция Вл. Даля: Нация — народ, в общ. значении язык, племя, колено, однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия.

Словарь русского языка С. И. Ожегова: Нация — 1) исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры; 2) страна, государство.

Амэриксэн Колледж Дикшионари: Нация — 1) совокупность особ одного и того же этнического семейства, говорящая тем же самым языком (или родственными языками); 2) собрание людей, связанных общностью определенной территории и достаточно сознающих свое единство для того, чтобы иметь свое собственное правительство.

В вышеприведенных дефинициях отсутствуют два, на наш взгляд, весьма важных атрибута: 1) имя и 2) религия. Человеческая масса без имени не может быть субъектом, скажем, международного права, или вообще какого-либо интеллектуального восприятия; относительно же религии следует указать, что она была почти *единственным* элементом еврейской нации в течении всей нашей эры. Выделим же основные элементы определяемого понятия. Они суть: 1) имя, 2) родство, 3) религия, 4) территория, 5) язык, 6) культура, 7) история, 8) правительство, 9) государственность, 10) экономика.

Полножизненная нация обладает всеми этими особенностями. Пользуясь методом последовательной элиминации (как ломание веника — по розге), В. Пирожкова, например, отводит последовательно все те свойства, которые Борисов приписывает русской нации. И действительно, *по очереди*, от свойства к свойству, можно их элиминировать в доказательство того, что ни одно из них для нации решающим не оказывается.

Итак:

к 1) нация может менять свое имя, например, Русь, Россия, Р(У,Б)СФСР (Русская, Украинская, Белорусская Социалистическая Республика);

к 2) к нации можно приобщиться путем натурализации;

к 3) одна и та же немецкая нация состоит из католиков, протестантов и, скажем, атеистов;

к 4) еврейская нация, как мы уже указали, просуществовала около двух тысяч лет без собственной территории;

к 5) в Швейцарии равноправны три языка: немецкий, французский и итальянский;

к 6) историкософ Ф. С. Ц. Нотгорп отмечает, что в столице Мексики в настоящее время сосуществуют по крайней мере пять культурных слоев: ацтекский, мексиканский, колониальный, французский и испанский и североамериканский;

к 7) нация в начале своей истории может быть мало похожей на себя после тысячелетнего развития;

к 8) формы правительств меняются и аргумент Леонтьева, например, что основным свойством русской нации, наряду с

православием, является монархический строй, утерять свою состоятельность;

к 9) та же польская нация во время разделов принадлежала к трем чуждым государственным организациям и представлялась тремя правительствами соответственно: русским, немецким и австрийским, в течение ста с лишним лет, не имея собственного государства; после второй мировой войны было время, когда польская нация имела два правительства: одно в Варшаве, и одно — в Лондоне;

к 10) экономика может быть различной в зависимости от различных, не хозяйственного характера, обстоятельств (эпоха, государственная социальная философия, особая хозяйственная культура отдельных народностей, составляющих одно целое, как, например, в СССР).

Одно можно сказать: счастлив тот народ, который обладает всеми атрибутами национального существования. Но бывает и иначе. Хорошо об этом написал Ю. Марголин относительно еврейского народа:

«Народ — есть то, что не вмещается в пределы малого Израильского государства и сохраняет свое обаяние и власть над еврейской душой даже если... все дело в происхождении. Народ — историческая давность. Это та нить, на которую все нанизано — культура и религия, этнический состав и политическая история со всеми противоречиями в течение веков. Никакой раздробленностью нельзя упразднить факта существования народа. Раздробленный народ — все же народ.

Подавленный, изуродованный, потерявший общий язык, — все же народ, пока сохраняется живое единство соплеменности и какие-то пункты, вокруг которых кристаллизуется сознание народности, предшествующее всему, — религиозному творчеству, государственности, культуре, — в них, через них и даже в отталкивании от них себя реализующее».⁵⁾

Нельзя не согласиться с Марголиным, что *кровное* родство является ядром нации. Да и само слово это, по своему смыслу и звучанию, происходит от латинского корня *natio*, что значит *рождение* (ср. *натура* — рождение, природа, естество).

Учтя все вышесказанное, предлагаем следующую дефиницию: *нация есть совокупность человеческих субстанциальных деятелей (простых и сложных), организованная на принципе всех или по крайней мере некоторых из следующих реальностей: имени, родства, религии, территории,*

языка, культуры, истории, государства, правительства и экономики.

Такую, чисто формальную дефиницию, составить не трудно, но вот определить русскую нацию — много труднее. Предлагаем пробную дефиницию для дальнейших разработок и уточнений:

Русская нация есть триединство великорусской, украинской и белорусской народностей, с преобладающей православной религией, говорящих на трех русских наречиях, развившихся государственно вокруг трех последующих центров — Киева, Москвы и Петербурга, составляющих основное население (75%) государства, именуемого в настоящее время СССР и занимающего площадь в 22 миллиона квадратных километров в границах: Балтийского моря, Карпат и Черного моря на западе, Кавказа, Каспийского моря, Памирского и Тянь-Шаньского хребтов, Монголии и Китая — на юге, Тихого океана — на востоке и Северного Ледовитого океана на севере.

Это — феноменологическая дефиниция. Метафизическую же (эйдетическую) дефиницию мы предлагаем следующую: *русской называется нация, историософия которой целенаправлена на осуществление идеала Святой Руси.*

Несколько видоизменяя определение А. В. Карташева, можно сказать, что *триединная русская (великорусская, украинская и белорусская) нация есть мощный, многонародный организм, носящий в себе городское и святое призвание — явить собой лик христианского по духу и православного по стилю государства, т. е. максимально воплотить в человеческом общежитии правду Христову, которой всегда алчет и жаждет русская совесть; достичь внутри мирного сожительства всех классов, племен, народов с их культурами и сообщить блага этого святорусского мира и миру внешнему, человечеству; достичь силами, излучаемыми Православием, не стесняющим мирской, научной, хозяйственной, материальной культуры, но призывающим ее вдохновляться вечными заветами Евангелия, заветами правды и святости».⁶⁾*

Приведем и два литературных определения русской нации, найденные нами при составлении настоящей статьи. Первое — из древних русских житийных сказаний:

«О светлая и пресветлая русская земля и приукрашенная многими реками и различными птицами и зверьми и всякою различною тварью, потешая Бог человека и сотворил вся его ради на потеху и на потребу различных искушений человеческо-

⁵⁾ «Новое русское слово», статья «Евреи и государство Израиль», 7 апр. 1962.

⁶⁾ А. В. Карташев, Воссоздание Святой Руси, Париж 1956, стр. 45, 46.

го ради естества, и потом подарова Господь православною верою, св. крещением, наполнив ю великими грады и дома церковными и насеяв ю боголюбивыми книгами, и показуя им путь спасения и радости всех святых».?)

А вот литературное определение «лица России» самого Г. Федотова:

«Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков. Падение, оскудение одной эпохи — пусть нашей эпохи — только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее сомкнется с прошлым в живую цепь.

Как ответим мы на вопрос: где лицо России?

Оно в золотых колосьях ее нив, в печальной глубине ее лесов.

Оно в кроткой мудрости души народной.

Оно в звуках Глинки и Римского-Корсакова, в поэмах Пушкина, в эпосах Толстого.

В сияющей новгородской иконе, в синих главах угличских церквей.

В „Слове о Полку Игореве” и в „Житии протопопа Аввакума”.

Оно в природной языческой мудрости славянской песни, сказки и обряда.

В пышном блеске Киева, в буйных подвигах дружинных витязей, „боронивших Русь от поганых”.

В труде и поте великоросса, поднимавшего лесную целину и вынесшего на своих плечах „тягло государево”.

В воле Великого Новгорода и художественном подвиге его.

В одиноком трудовом послушании и „умной” молитве отшельника-пахаря, пролагавшего в густой чаще пути для христианской цивилизации.

В дикой воле казачества, раздвинувшего межи для крестьянской сохи до Тихого океана.

В гении Петра и нечеловеческом труде его, со всей семьей орлов восемнадцатого века, создавших из царства Московского державу Российскую.

В молчаливом и смиренном героизме русского солдата-мученика, убелившего своими костями Европу и Азию ради прихоти своих владык, но и ради цельности и силы родной земли.

Оно в бесчисленных мучениках...

Оно везде вокруг нас, в настоящем и прошлом — скажем твердо: и в будущем.

В годину величайших всенародных унижений мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы: лицо России».8)

**

*

Отметив те пункты, относительно которых все три автора — Борисов, Пирожкова и нижеподписавшийся — согласны; затем перейдя к тем пунктам, относительно которых Пирожкова и я — с Борисовым не согласны; развив некоторые дефиниционные предпосылки в восполнение того, что мы находим о нации в статье Борисова и Пирожковой, мы подошли к тому основному пункту, относительно которого мы принимаем сторону Борисова против Пирожковой. Наша с Борисовым позиция определяется следующим постулатом:

Факт существования различных наций надо рассматривать как явление providенциальное, а не пенитенциарное.

Что же утверждает, относительно этого, В. Пирожкова? Вот ее слова:

«Мне думается, что Бог ведет человечество по прямым и непрямым, по гладким и по очень тяжелым дорогам (из-за своеволья человеческого) и в вопросе наций — к восстановлению первоначального, существовавшего до смешения языков, состояния».9)

Эту свою точку зрения В. Пирожкова обосновывает ссылкой на ветхозаветный текст, повествующий о том, что изначально на всей земле был «один язык и одно наречие» и что лишь в наказание за гордыню, выразившуюся в замысле постройки башни высотой до небес, Бог «смешал язык» людей так, чтобы они не понимали друг друга, и что в результате этого возникшие «народы» рассеялись по лицу земли (Быт. XI, 1-9).

Вот в связи с этой частью статьи В. Пирожковой у меня и возник ряд возражений, или, по крайней мере, особых соображений, которыми я хотел бы поделиться с читателями.

Во-первых, возникает вопрос: какова достоверность описываемого события? В распоряжении библейской науки нет данных, свидетельствующих в пользу исторической достоверности вавилонского столпотворения. Правда, недалеко от места, где в древности находилась столица Вавилона, до наших дней сохранились развалины

8) «Лицо России», в «Свободных голосах», апрель 1918, СПб. Оба отрывка цитируются по текстам, помещенным в «Вестнике РСХД», № 75—76, 1964—1965.

9) «Новый журнал», № 119, стр. 216. Выделено нами. — И. Г.

?) Г. Федотов, Национальное и вселенское. «Вестник РСХД», № 6, 1928.

построенной на холме башни, вокруг которых разбросаны как бы обожженные огнем кирпичи древней выделки. Местность эта называется «Борсиппа», что значит «башня языков», но когда это название возникло и кто был его автором — неизвестно. «Вавилонская башня», зиггурата, не была уникальным архитектурным памятником того времени. Шумерийские храмы строились в виде «зубчатой» пирамиды, по окружности которой шел путь восхождения на ее вершину: это и придавало ей террасовидную форму. Приблизительно в то же самое время строились и великие пирамиды египетские. Подобной формы святыни с крутыми прямыми ступенями оставила после себя и исчезающая уже в нашу эру цивилизация Майя (Юкатан). «Баб-эль» или «Баб-иль» означает «Врата Божьи» или «Врата Бога», а по-древнееврейски «балаль» значит «смешивать». Некоторые ученые усматривают здесь этимологическое искажение либо ассонансную игру слов. Сказание о вавилонском столпотворении имеется только в Библии, но его нет в древней вавилонской религиозной хронике (хотя в ней имеются предания о сотворении мира, о грехопадении — весьма сходные с изложенными в Ветхом Завете, в Пятикнижии).

Археологические и палеонтологические раскопки свидетельствуют о том, что человечество было рассеяно по всей земле еще до потопа и, следовательно, до возникновения шумерийской цивилизации. Само сказание написано наивным языком, каким обыкновенно рассказывают былины и легенды. Да и из самого содержания не видно, говоря по совести, в чем заключается столь великий грех башнестроителей: «И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли» (Быт. XI, 4). Что в том плохого, что люди решили построить город и храм-памятник? Тем более, что у них, как следует из текста, были уже планы расселения или частичного переселения. Выражение «высотой до небес» нельзя не считать литературным приемом, гиперболой, вроде современных названий «небоскребов», ибо, если бы принять дословно это выражение, то следовало бы признать строителей сумасшедшими... Нам, лично, кажется, что этот отрывок есть не что иное, как фольклорный сказ, попавший в Библию в порядке ее составления (различными авторами и в разное время) и прямого влияния на христианское вероучение не имеющий. Но как стимул, вдохновляющий толкователей священного текста, он имеет свое значение. Методы же толкования бывают разные: до-

словный, аллегорический, символический, типологический (прообразный)... Уже св. Григорий Нисский отошел от общепринятого истолкования этого текста; он считал, что «смещение языка» надо понимать как наступившее во время постройки расхождение взглядов, мнений и планов строителей, в результате которого постройка была приостановлена, строители же разошлись (как это они предполагали еще до постройки) в разные страны, в результате чего произошла дифференция языков. Толкование это поражает своим современным характером.

Но В. Пирожкова и не настаивает на историчности самого события столпотворения. В одном из писем, полученных нами уже после выхода в свет ее статьи, она уточняет свою позицию:

«Я смотрю на Библию как на боговдохновенную книгу, которая никаким проверкам археологией не подлежит. Мне совершенно безразлично, были ли уже различные народы до возникновения исторического Вавилона или не были, так же как мне совершенно ясно, что никто не пытался строить материальную башню до неба уже потому, что такого «неба» вовсе не существует. В Библии в символическом образе рассказаны внутренние причины возникновения того или иного. Они рассказаны языком, доступным тогдашним людям, и в образах, им доступных. Со времени создания еврейского народа и как бы вступления Бога в виде союза с этим народом в исторический процесс Библия становится более историчной, но до этого ее повествования носят чисто символический характер, который никакой историей или археологией проверен быть не может. Первородный грех — это гибрис желая стать как боги, а не фактическая еда яблок Адамом и Евой. Также рассказ о Вавилонской башне говорит о том, что Господь разделил языки и людей на различные народы из-за гордыни, как бы продолжения первородного греха, но, конечно, это не было единым актом, определенным историческим событием».

Мы охотно разделяем точку зрения В. Пирожковой относительно символичности описываемых библейских событий доисторического периода, относительно же того, как мы разгадываем эту символичность, мы, повидимому, расходимся во взглядах в данном, конкретном, случае.

Еп. Кассиан (Безобразов), известный новозаветник, как-то сказал, что в Библии все насквозь божественно и все насквозь человечно. Развивая эту мысль, можно сказать, что в Библии все **что** — божественно, а все **как** — человечно. Божествен эйдос,

человечен же — феномен. Божественно все то, что относится к Откровению о Боге и к обязывающему человека нравственному кодексу, человечна же та историческая, географическая, политическая, хронологическая, юридическая, лингвистическая, литературная и Бог вещь еще какая канва, на которую был нанесен узор божественного Откровения. Почему же, спрашивается, нельзя проверять научными данными эту человеческую канву? Ведь существует же целая наука, называемая *библейской критикой!* Библия же есть не только догматическое руководство, но и история еврейского народа, а в качестве таковой она сама имеет свою историю. В Библии не все тексты имеют одинаковый догматический удельный вес, а некоторые тексты совсем к религии и не относятся. Возьмем, например, замечательную книгу Второзакония: есть там религиозно-откровенные истины по своей нравственной и богоучебной высоте почти на уровне Нового Завета, а есть целый ряд законов (предписаний), к нашей жизни никакого отношения не имеющих.

Но вернемся к примеру Вавилонского столпотворения. В. Пирожкова, повидимому, согласится отнести это повествование, *по букве*, к тому, что мы назвали выше человеческим как Библии. Но сразу возникает вопрос, где следует провести границу между *как* и *что* этого отрывка. И вот именно здесь у нас намечается расхождение на одно «деление»: у нее к *что* относится грех гордости и вид наказания, у нас же «наказание» зачислено в область *как*, т. е. принадлежит к фабуле. Мы делаем вывод: *Бог наказывает человеческую гордыню* (все же остальное для нас irrelevantно); у В. Пирожковой же вывод звучит: *Бог наказал за гордость человечество смещением языков и разделением на народы.*

**
*

Творчество выражается в созидании многообразия и разнообразия. Книга Бытия начинается описанием творения мира в семь периодов («дней»), в течение которых Творец создает основные планы тварного мира, влагает в них мощь дальнейшего саморазвития согласно особо установленным Им же законам, особым актом творит человека, и всему созданному повелевает «плодиться и размножаться, и наполнять землю» (Быт. I). Расселение же людей по всей земле с ее различными климатическими зонами и конфигурациями *естественно* предполагало этническую дифференцию, а вместе с ней, как ее *следствие*, дифференцию лингвистическую.

Книга Бытия повествует также о том, что в период *до потоп* и затем снова *до столпотворения* существовали различные народности, изображенные в виде определенных «типов». Итак, после Адама образовались две «линии»: сифитов и каинитов (потомков Сифа и Каина). Они отличались одни от других характером, профессией, культурой, иногда воевали между собой, а иногда роднились. Судя по скудным замечаниям, можно предполагать, что каиниты были городскими жителями, творцами ремесел и искусств, тогда как сифиты были жителями «деревенскими». Первые должны были быть оседлыми, вторые же — изначально — номадами. После потоп потомство Ноя разветвляется на три ветви: Сима (Шима или Шема), Иафета и Хама. Из первых образовались семиты, часть которых позднее получила название *евреев* (сыны Еверовы: «хэбэр» значит «с другой стороны», т. е. те семитские группы, которые пришли с другого берега Евфрата, т. е. из Харана).

Вавилонская историческая литература свидетельствует, что в Сеннааре (приблизительно там, где сливаются Тигр и Евфрат) жили сумерийцы, древний народ, язык которого родствен языкам уральско-алтайских народностей. Лишь позднее, во время образования древних монархий и цивилизаций вавилонских аккадийцами и финикийцами, семитский язык стал господствующим в этой области. Шумерийский язык, алфавит которого существует около 6000 лет, древнее языка Библии.

О каких же народах могла быть речь в повествовании о вавилонском столпотворении? — О потомках Сима, и то не о всех, а только о тех, кто соблазнился проектом грандиозной конструкции. Этнографические перспективы людей того времени были весьма ограничены.

Краткое отклонение: в государственных учреждениях Югославии были в свое время вывешены надписи: «Говори српски, да те цео свет разуме». О каком же «свете» здесь могла быть речь? Ясно, что речь шла о местностях близкого радиуса, подобно тому, как по-русски мир (мир) значит не только космос или земной шар, но и местная община, местное население. Так и для библейских персонажей периода патриархов «мир» сводился к территории, ограниченной с севера Черным морем и Арменией, с востока — линией р. Тигра, с юга — побережьем Персидского залива и с запада — побережьем (и ближайшими островами) Средиземного моря. В книге Бытия не упоминаются представители других рас — черной, красной и желтой, хотя в период Моисея они были хорошо известны в Егип-

те, о чем свидетельствуют барельефы и рисунки на пробнице фараона Сети, жившего в XIII веке до Р. Х.

В русской литературе нашего века имеется много текстов, высказывающихся в пользу той точки зрения на «философию нации», которую мы, в защиту Борисова, здесь развиваем. Приведем несколько примеров.

**
*

В третьем номере «Евразийского временника» (1923) напечатана статья кн. Н. С. Трубецкого «Вавилонская башня и смешение языков». Самому библейскому тексту автор посвящает не много внимания, но обсуждает преимущественно проблему национальной и языковой дифференциации. Основной его тезис таков: национальные различия представляют собой естественный и неизбежный симптом жизни человеческих групп, и противоборство этому естественному явлению влечет за собой сначала оскудение, а затем и гибель культуры.

Недифференцированное состояние народа до вавилонского столпотворения Трубецкий считает неестественным, недолжным, а потому в своих результатах и преховным состоянием, смешение же языков — не божьим наказанием, каким, например, было проклятие труда после грехопадения, но ответом Бога на сложившиеся обстоятельства.

«...единая общечеловеческая, лишенная всякого индивидуального, национального признака культура, — пишет он, — чрезвычайно односторонняя: при громадном развитии науки и техники (на что указывает самая возможность замысла стройки!) — полная духовная бессодержательность и нравственное одичание. А вследствие этих свойств культуры — непомерное разитие самодовольства и гордыни, воплощением чего является безбожный и в то же время бессмысленный замысел постройки вавилонской башни. Вавилонская башня — чудо техники, но не только без религиозного содержания, а с прямым антирелигиозным, кощунственным назначением. И Бог, желая воспрепятствовать осуществлению этого замысла и положить предел кощунственному самопревознесению человечества, смешивает языки, т. е. устанавливает на вечные времена закон национального дробления и множественности национальных языков и культур. В этом акте божественного Промысла заключается, с одной стороны, признание того, что безбожная самопревозносящаяся техника, ярко выражаясь в замысле постройки вавилонской башни, есть не случайное, а неизбежное и

естественное следствие самого факта единой национальной недифференцированной общечеловеческой культуры, с другой стороны, — указание на то, что только национально ограниченные культуры могут быть свободными от духа пустой человеческой гордыни и вести человечество по путям, угодным Богу» (стр. 109—110).

Как видно из этой цитаты, автор ее принимает, в качестве подлинного, факт столпотворения, однако приходит к выводам, противоположным позиции В. Пирожковой.

Дальше Трубецкий развивает мысль, что в пределах одной культуры производится нивелировка индивидуальных различий, действует закон, так сказать, культурной энтропии. Совершается это в силу нейтрализации полярных, т. е. максимально противоположных индивидуальных различий: если вообразить себе такое состояние, в котором существовала бы одна общечеловеческая культура, то ее средний показатель выражался бы в максимальной безличности и расплывчатости. Общим знаменателем такого широкого общества были бы потребности материальные, приблизительно одинаковые для каждого человеческого организма, в области же интеллектуальной — те науки, законы которых наиболее универсальны. «Поэтому ясно, — продолжает автор, — что в однородной человеческой культуре логика, рационалистическая наука и материальная техника всегда будут преобладать над религией, этикой и эстетикой, что и в этой культуре интенсивное научно-техническое развитие неизбежно будет связано с духовно-нравственным одичанием» (стр. 111). Из этого он делает вывод, что однородная космополитическая общечеловеческая культура неизбежно становится безбожной, богоборческой и столпотворенческой. И наоборот, в культурах национально дифференцированных ярко развиваются индивидуальные черты, способствующие духовному, моральному росту. Конечно, и для культурно-национальной дифференциации существуют здоровые пределы.

Стремление современной цивилизации к атрофированию национальных особенностей, к введению одинакового строя, одинаковых вкусов и понятий греховно, ибо оно ведет к состоянию людей до столпотворения с той разницей, что в настоящее время у людей возможности несравнимо более широкие: вместо кирпичной башни строится технологический Молах. Мотивами человеческого поведения становятся соображения материально-утилитарные, а жадность к наживе и плотским наслаждениям — основным двигателем активности. Па-

раллельно этому — рост духовно-творческого бесплодия. А слепой и безумный эгоизм ведет, возможно, человечество к новой катастрофе, которую оно же само себе и готовит.

Говоря о соотношении культур и религий, Трубецкой подчеркивает, что для христианина его религия не есть продукт культуры наряду с другими, но религия по преимуществу, религия трансцендентного происхождения. «Христианство выше рас и культур, но не упраздняет ни многообразия, ни своеобразия рас и культур. Понятие христианства влечет за собой отказ от целого ряда элементов национальной языческой культуры и преобразование последней. Но конкретные формы этого преобразования могут быть очень различны в зависимости от той культурно-исторической почвы, на которую христианство попадает, и единообразие в этой области не только не обязательно, но и невозможно. Христианство есть «закваска», которая может быть положена в самые различные теста... А потому та радужно-многообразная сеть неповторимо-индивидуальных национальных культур земного шара, о которой мы говорили выше, должна была бы сохранить свою конструкцию даже в том случае, если бы все народы мира восприняли христианство. Никакой нивелировки национально-культурных различий, никакого создания однородной человеческой культуры христианство не требует» (стр. 120).

Итак, христианство не есть элемент данной национальной культуры, но фермент, и всякие исторические попытки отождествить христианство с данной культурой провалились. Много миссионерских неудач возникло из-за того, что миссионеры несли туземцам не христианство, а определенную христианскую, вернее, псевдохристианскую, цивилизацию.

**
*

Эту же мысль выражает другой русский мыслитель, Г. Федотов, в статье «Национальное и вселенское».¹⁰⁾

«И Рим-Ватикан, и Византия отождествляли христианство либо со своим государством, либо со своей сферой влияния, притязая на исключительность и вселенскость. Прешила этим и имперская Россия, пользуясь иногда миссионерством для русификации. «Христианское человечество (согласно таким «миссионизмам», — прим. и. Г.) должно иметь единство не только в духе, но и в полноте исторической жизни.

Однако приравнивание этого земного единства Церкви внешнему государственному единству было великой ложью, провиденциально вскрытой в гибели греческого царства».¹¹⁾

Христианство несовместимо ни с идеей космополитизма (интернационализма), ни с идеей вселенского нацизма.

Говоря о религиозном смысле национальной идеи, Федотов считает, что для признания ее нужны две предпосылки. «Первая — религиозный смысл культуры, т. е. тех „прадов, домов и книг“, которые составляют расходящийся сноп лучей и храмовой мистерии. Вторая — множественность культурных „путей спасения“».¹²⁾ В индивидуальном подвиге спасения легко намечаются индивидуальные типы спасения и служения Богу на различных путях. Но все они сходятся к одному Иисусу Христу, и единство святости в последней глубине раскрывается в стяжании Св. Духа.

«То, что сразу было явлено миру, — продолжает Федотов, — для подвига личного и запечатлено навеки в учении ап. Павла о многообразии духовных даров, то для призвания «языков» долго оставалось скрытым под спудом мнимого вселенской греко-римской культуры. А между тем, в огненные дни рождения Церкви были явлены знаки, указующие на расходящиеся земные пути Царства Божия. Единая сила Святого Духа сходит на апостолов в разделности огненных языков. И дар языков был первым даром новорожденной Церкви. День Пятидесятницы, начало новой жизни человечества странно повторяет миф о Вавилонской башне, начало его языческого распада. Как там, так и здесь внешний хаос, „шум“, „смешение“ (Деян. 2, 6). Разноязычная проповедь слова смущает, как опьянение „сладким вином“. Но это новое „смешение языков“ не страшно. Ибо это не смешение, а расчленение, не разделение, а распределение — на „жребии“, „уделы“ — крещаемой земли. Многоязычность рождающейся Церкви несет в себе оправдание и осмысление природно-языческого многообразия мира. Отныне „языки“ входят в Царствие Божие».

И дальше: «Язык не есть простое орудие, средство обмена мыслей. Язык — тончайшая плоть мысли, не отделимая от ее природы. И не мысли только, а целостного духа. Поэтому язык есть имя нации как особого духовно-кровного единства, создающего свою культуру, т. е. царство идеальных ценностей. Дар языков в неповторимый, торжественный день Церкви не мо-

¹⁰⁾ «Вестник РСХД», № 6 (1928), перепечатана там же в 1964/1965 г., № 75—76.

¹¹⁾ Там же, стр. 87.

¹²⁾ Там же, стр. 89.

жет быть понят как дарование внешнего органа для христианской миссии (подобно переводам Библейского Общества). Это дар есть благословение самих языков, как ангелов, воспевающих хвалу Богу.¹³⁾

**
*

Космополитическое искушение пережил в своей молодости и И. Гознэ-Вронский. Сперва ему казалось, что ввиду универсализации целей человеческой истории все то, что прикрепляет к индивидуальным началам, должно быть преодолено. Однако позднее, когда он уже выработал определенную историософскую концепцию, он пришел к заключению, что разнообразие национальных культур и наличие различных народов провиденциально: от каждого народа Творец ожидает исполнения специально для него предназначенного замысла. В иерархии целей, которые должны быть раньше или позже достигнуты человечеством, как в партитуре для симфонического оркестра, каждому народу доверено Богом исполнить свою особую партию. Такая установка, впрочем, была в духе религиозных и идеалистических мыслителей XIX века, особенно русских и польских, в отличие от марксо-энгельского учения, разъярившегося против всего *национального*.¹⁴⁾

**
*

Прекрасны страницы, написанные Н. Бердяевым в защиту ценности и достоинства нации в лучшей его книге «Философия неравенства».¹⁵⁾

«Нация есть категория *историческая* по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая... тайна ее недоступна тем, кто совершенно лишен чувства исторической действительности».

Отмечая, что бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, Бердяев считает, что для определения нации наиболее существенным является «единство исторической судьбы». С биологической точки зрения нации не отличаются, как правило, *абсолютной* чистой крови: нации суть продукт сложного взаимодействия и смешения рас. И хотя раса, как таковая, есть природно-биологическая реальность, тем не менее она играет таинственную роль в образовании и формировании исторического явления наций. Так обстоит дело, напр.,

с еврейской нацией, принадлежащей к семитской расе. Своеобразие этой нации есть не только продукт, или результат, избрания ее Богом для определенной цели, но также и следствие того, что именно ее, такую, Богу было угодно избрать для исключительной цели... Затем, конечно, пришел промыслительно-воспитательный процесс. Здесь мы имеем пример, может быть наиболее яркий, но не исключительный, как история слагается из двух элементов, божественного и человеческого, является процессом богочеловеческим.

«Образование исторической национальности есть борьба с изначальной хаотической тьмой, есть выделение лика, образа из безликой и безобразной природы».¹⁶⁾ История укоренена в природе: нация есть история, а народ — природа.

Нацию Бердяев называет мистическим организмом и даже *мистической личностью*, ноуменом, а не феноменом исторического процесса.

«В национальности жизнь противится смерти, которой интернационализм угрожает всем народам», — говорит Бердяев и дальше развивает эту мысль: «Всякая нация по здоровому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории. Это — творческая сторона национализма, и ей интернационализм так же враждебен, как и сохраняющей и воскрешающей его стороне. Интернационализм хотел бы остановить рост силы народов, хотел бы сорвать их цвет. Он хотел бы направить жизненное движение народов в сторону, в пустыне, промежуточные пространства, в страшные абстракции грядущего. Он хотел бы угасить волю наций к бытию, к историческому восхождению. Он морально пленяет аскетическим отречением от национального эгоизма. Но за этим отречением, толкающим на путь небытия, скрыто человеческое самоутверждение... Революционный интернационализм истребляет прошлое наций и не хочет допустить их до собственного их будущего. Он повергает их в иное будущее, страшное своей пустотой, своей отвлеченностью».¹⁷⁾

Дальше Бердяев подчеркивает различие между вселенскостью и интернационализмом. Христианская вселенскость, соборность, есть единство многообразия лиц, обществ, наций и рас, тогда как интернационализм ведет к абстрактному всечеловечеству. Христианская вселенскость есть ие-

¹³⁾ Там же, стр. 89—90.

¹⁴⁾ См. об этом подробнее в нашей статье «Метаполитика народов» в «Новом журнале», № 101, 1970.

¹⁵⁾ Николай Бердяев, *Философия неравенства*. Письма к недругам по социальной философии, 2-е испр. изд., Париж 1970.

¹⁶⁾ Там же, стр. 75.

¹⁷⁾ Там же, стр. 77—78.

рархия и гармония, а не смешение и уравнение.

«Христианство зовет к братству народов, как и к братству людей. Но братство народов предполагает существование народов, национальных личностей, как братство людей предполагает существование людей, человеческих личностей. Истинная любовь всегда есть утверждение лика любимого, его неповторимой индивидуальности».¹⁸⁾

Нация, как сложный социальный организм, может заболеть, и чистая идея нации может искажаться. Об этом Бердяев пишет преимущественно в книге «О рабстве и свободе человека», но эта тема нас в настоящей статье, не интересует. Поэтому мы закончим изложение мыслей Бердяева о нациях, как таковых, призывом ко всем тем, кто интересуется этой проблемой и кто не читал еще «Философии неравенства», обязательно прочитайте ее: она столь хороша, что ее хотелось бы цитировать «in extenso».

**

Нам важно не только подкрепить нашу позицию авторитетными ссылками в нашей полемике с В. А. Пирожковой, но и — взявшись за столь ответственный гуж — предложить читателю материал для размышлений с дидактической целью. Поэтому мы предложим еще одну цитату богослова и историка церкви, Антона Владимировича Карташева, которая как нельзя лучше свидетельствует в нашу пользу.

«По законам массового заражения мы незаметно для себя легко проникаемся ходячими мнениями. Отлично используют этот психологический путь в своих целях цеховые мастера „общественного мнения“. Через школу, прессу и все прочие средства „просвещения“ они издавна и с умыслом внушили „передовому“ большинству якобы „научой установленный“ тезис, будто расовые и национальные различия народов — вещь малозначительная, изменчивая, текучая. А потому — общемировая, европейская культура должна согласовать „первобытную“ особенность народов и ускорять процесс их слияния в некий современный интернационал, может быть даже и с общим языком, эсперанто или воляпоком? В качестве политической формы маячит туманность мировых „соединенных штатов“. Государство при этом рассматривается по-адвокатски, как некое анонимное общество на паях, где права и вес покупаются простым акционерством, даже не реальными вкладами. Ничего органического, сти-

хийного, глубокого здесь искать не рекомендуется. Это клеймится именем мистики, „реакционного тумана“. Мы не собираемся здесь возражать на эти рационалистические пошлости. Это целое мировоззрение, подходящее для мертвых душ, кормящихся псевдофилософскими объедками XVIII и XIX столетий. Мы не доказываем, а только указываем на эти убожества стоптанных и до дыр изношенных башмаков покойного материализма и механизма».

«Жизнь вообще в своих основах бездонно мистична, хотя и бесконечно познаваема научным разумом. Мистична жизнь и отдельного человека, и племенных народных коллективов. Она по тончайшим законам наследственности носит в своих недрах всю органическую полноту опыта, переживаний, добродетелей и пороков своих предков, своей истории. Так складывается и действительно существует коллективная душа народов с их особыми влечениями, призваниями и духовной судьбой. Не подчиняясь террору псевдонаучных выделывателей „общественного мнения“, мы ясно видим и утверждаем это органическое, из тысячелетних глубин древности идущее, племенное, этническое начало, перерабатываемое в духовном опыте народов в высшее, идеальное национальное призвание».

«Все народы древности и нового времени, раз выступив на историческое поприще, с того момента уже не были какой-то протоплазмой, переливающейся из одной формы в другую. Напротив, от исторического начала до их исторической смерти народы являются устойчивыми и неразложимыми типами, явно подвластными закону биологической индивидуализации и самосохранения, аналогичному закону устойчивости органических видов... Народы столь же четко индивидуальны, как различны их языки. Степень их исторической изменчивости не превышает степени изменчивости языков, всегда остающихся в своем русле и не сливающихся с руслом истории другого языка. Эта историческая индивидуальность народов, их типа, их гения, их призвания и интересует нас практически, когда мы устанавливаем духовный образ и высший долг служения нашего народа в семье человечества».¹⁹⁾

Подведем же итоги вышесказанному (в историческо-философско-силлогистической форме):

Либо вы признаете, что история человечества имеет свою цель, либо нет.

Если вы признаете существование такой цели, то вы должны признать, что цель

¹⁸⁾ Там же, стр. 79.

¹⁹⁾ А. В. Карташев, Воссоздание Святой Руси, Париж 1956, стр. 25—27.

эта может быть достигнута путем развития и в результате содействия между Богом и человеком.

Каждое развитие предполагает дифференциацию, т. е. многообразие.

Многообразие есть тот способ, посредством которого индивидуальное начало вступает в сочетание с началом универсальным при условии сохранения своей индивидуальности, т. е. ипостаси (в давнешнем значении этого слова).

Всякая реальность заключает в себе элемент бытия (индивидуальность) и элемент значимости его (универсальность).

Оставив за человеком название личности, назовем нацию сложным человеческим субстанциальным деятелем.

Между человеческим индивидуальным организмом и человеческим организмом собирательным — нацией — имеется много аналогий.

Одной из них является различие даров, которыми Творец облагодетельствовал отдельных человек, и различие даров, заложенных Творцом в отдельные нации.

В какой-то степени мы можем отнести к нации то, что ап. Павел говорит о людях:

«Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех».

Но каждому дается проявление Духа на пользу: одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом, иному чудотворения, иному пророчество, иному различие духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (Кор. 12, 4-11).

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ ИГУМЕНА ГЕННАДИЯ

Меня обрадовало, что игумен Геннадий нашел нужным ответить на мою статью в «Новом журнале» № 119 «Нация — соборная личность?», хотя он во многом со мной не согласен. Но меня огорчило, что о. Геннадий называет мою статью «полюемической». Я писала ее как дискуссион-

ную, так как сам предмет кажется мне слишком важным и серьезным для того, чтобы вести по поводу него поверхностную полемику. И очень многие читатели подтвердили мне, что моя статья была именно дискуссионной, а не полемической. И статья самого игумена Геннадия представляется мне дискуссионной, только некоторые приводимые им цитаты полемичны и, по-моему, мало серьезны. Кстати, отметим, что Н. Бердяев позже отрекся от своей книги «Философия неравенства», как написанной в пылу гнева после революции в России. Мне лично жаль, что он от нее отрекся, хотя я далеко не со всеми его высказываниями в этой книге согласна.

Оставляя за собой более обстоятельный ответ на статью игумена Геннадия, я бы хотела отметить одно место, в котором он, мне кажется, не совсем внимательно прочел мою статью. О. Геннадий пишет: «В. Пирожкова в одном месте своей статьи говорит, что у Борисова нет определения нации, и сразу же оговаривается, что то определение, которое он все-таки дает (нация есть соборная, народная личность) — неточно и расплывчато. Отметим, что более точного определения не дает и она». Но я и не намеревалась дать более точное определение. Я не абсолютизирую нацию и не подчиняю ей личности, как это делает Борисов, а потому в моем аспекте не считаю важным дать точное определение нации. Борисов же, который считает, что человек, уходя из своей нации, уходит от Бога, должен дать точное определение нации, а то иной несчастный, желающий быть верным Господу Богу, невзначай станет Ему неверным, уйдя из своей нации, и даже не заметив этого. Я писала в своей статье: «Можно, конечно, сказать, что каждый, кто считает себя русским, чувствует, почему. Да, этого, может быть, было бы и достаточно, если б Борисов не абсолютизировал нации и не предъявлял таких свирепых требований к личности в ее отношении к нации. Мы будем говорить об этом подробно ниже. В свете этих требований такое неопределенное чувство представляется совершенно недостаточным» («Н. Ж.», № 119, стр. 210).

В. Пирожкова

МАТЕРИАЛЫ О САХАРОВСКОМ СЛУШАНИИ

ВСТУПЛЕНИЕ к материалам о Сахаровском Слушании

В редакцию поступил ряд открытых писем по поводу инцидента на Международном сахаровском слушании. Редакция считает, что эта проблема еще не потеряла актуальности, тем более, что 15 марта 1976 г. известная германская газета «Франкфуртер алльгемайне цейтунг» снова вернулась к этой теме, еще раз описала, каким образом г-же Шаховской удалось удалить из жюри пастора М. Вурмбранда, и отметила, что это было сделано только отчасти из личной неприязни г-жи Шаховской к пастору, но преимущественно из ее желания устранить из жюри самых ярких и непримиримых антикоммунистов. Теперь Международный комитет официально извинился перед пастором Вурмбрандом, признал его исключение из жюри безосновательным и высказал сожаление по поводу ущерба, нанесенного его репутации. Именно поэтому мы считаем эту проблему принципиальной, существенной не только для русской эмиграции и даже не только для мыслящих людей на родине, но и для всей западной общественности.

Чтобы не быть односторонними, мы перепечатаем ответ З. Шаховской Р. Гулю, напечатанный в «Новом русском слове» от 1 февраля 1976 г.

В ответе З. Шаховской многое поражает. Прежде всего то, что она считала возможным на тайном заседании мини-группы вычеркивать фамилии свидетелей, которых пригласил организационный комитет Сахаровского слушания, а не эта группа. Г-н Андресен понял так, что эта группа высказала только неудовольствие по поводу некоторых свидетелей, но В. Максимов подтверждает вычеркивание свидетелей,

даже категорическое вычеркивание (НРС, 25 февраля). В. Максимов, может быть, еще не усвоил себе правильных понятий о свободе мнения и демократии и потому думал, что такая мини-группа имеет право тайно вычеркивать приглашенных свидетелей, но г-жа З. Шаховская, которая гордится тем, что 50 лет прожила на свободном Западе, должна была бы знать о недопустимости таких действий.

Поражает в письме то, что г-жа Шаховская называет показания Д. Панина на Слушании устаревшими. Д. Панин говорил об общей эксплуатации трудящихся в СССР в наши дни. В этом может убедиться каждый, кто прочтет его показания в «Зарубежье» № 4 (48) от декабря 1975 г.

Поражают личные выпады З. Шаховской по адресу г-на Б. Караватского, а также то, что она считает возможным в печати ссылаться на черновики.

Поражает ее непонимание того упрека, который Р. Гуль сделал Б. Шрагину. Гуль упрекал его не за то, что он, будучи православным, давал советы православной Церкви, а за то, что он советовал ей самоликвидироваться. С одной стороны, З. Шаховская выражает свое возмущение, что пастор Вурмбранд послал ей материалы о делах православной Церкви, называя это бестактным вмешательством в дела православной Церкви, с другой же стороны, она берет под защиту Шрагина, посоветовавшего православному журналу самоликвидироваться. Вообще защита Шаховской явно просоветски настроенного Шрагина производит странное впечатление.

Редакция не хотела бы продолжать анализ письма З. Шаховской: он в достаточной степени сделан в полученных письмах, которые редакция публикует, заканчивая тем обсуждение этого инцидента.

В Датском королевстве

ОТВЕТ З. А. ШАХОВСКОЙ

Да, не все было благополучно в Датском королевстве от 17 до 19 октября 1975 года. Слушание, носящее имя Сахарова, требовало, казалось бы, организации, достойной его имени, и бережного отношения к пожеланиям этого замечательного человека. Однако с самого начала проекта те, кто призывал к международным конгрессам и собраниям, могли убедиться, что инициаторы Слушания Сахарова — любители. Одним из самых энергичных из них оказался Бер-

нард Караватский, по профессии музыкант, имя которого в политических кругах до сих пор было покрыто мраком неизвестности.

Все предприятие показалось настолько несерьезным, что многие лица, к которым Комитет обратился за поддержкой, запрашивали меня, стоит ли принимать в Слушании участие. Я отвечала, что даже несерьезное дело можно поддержать, если есть надежда на его пользу. В помощь организаторам я даже попросила моих друзей переводчиков международных органи-

заций пожертвовать отдыхом и заработком и приехать работать на Слушании.

В начале сентября, во Флоренции, во время пребывания там Е. Г. Сахаровой, состоялось в ее присутствии мини-заседание, в котором приняли участие: Корнелия Герстенмайер, В. Е. Максимов, я, а также два члена организационного комитета — Г. Андрессен и Виктор Спарре.*) Эти последние привезли для обсуждения список лиц, которых комитет предполагал пригласить в качестве свидетелей. Кое-какие имена были тогда вычеркнуты (не принято разглашать закрытые дискуссии). Боялись, что свидетельства этих кандидатов могут быть недостаточно достоверными (не один Шифрин) — а имя Сахарова не должно покрывать неточные сведения. Свидетельства других относились ко времени слушанием отдаленному (Панин). Также были отклонены кандидаты, которые могли бы превратить слушание в процесс против одной из национальностей, а не против режима (напр., г-жа Стецко). Сахаров защищает от преследований все народности и верующих всех религий. Тут же Е. Г. назвала своих кандидатов-свидетелей, в том числе проф. Воронеля из Израиля.

Каково же было мое удивление, когда по прибытию в Копенгаген я узнала, что вычеркнутые кандидаты будут участвовать в Слушании, но никто из названных Е. Боннэр-Сахаровой на нем не будет.

Так же удивителен показался мне до отъезда и тот факт, что, несмотря на наши многочисленные звонки по этому поводу, организаторы Слушания, утверждавшие, что виза Максиму будет послана, наконец, что она уже послана, устроить ему эту визу не могли, хотя как будто обладали достаточными связями в датских правительственных учреждениях. Владимир Максимов, всемирно известный писатель, друг Сахарова, редактор журнала «Континент», на слушание не попал.

17 октября вечером состоялось в гостинице «Пента Копенгаген отель» совместное заседание членов жюри и членов Комитета — на нем присутствовали среди других А. Ю. Штромас, В. Спарре, Андрессен и Щипуловский. Не сомневаюсь, что они люди честные и могут подтвердить, что решение попросить Шифрина отказаться от выступления было принято единогласно, — «из-за загруженности программы, а также, потому что Шифрин уже представлял прессе свой фильм о лагерях» (заснятый в спокойствии Израиля!).

На следующее утро жена Караватского сказала мне, что решение это не имеет никакого значения... Так оно и случилось.

Перейдем к инциденту, который, повидимому, больше всего взволновал Р. Б. Гуля: удаление пастора Вурмбранда (сына) из зала. Имена всех членов жюри были сообщены до начала Слушания. Имени пастора Вурмбранда среди них не было. Появление его было поэтому полной неожиданностью. Живя 50 лет на Западе, я думаю, что знаю лучше, чем г. Караватский, обычаи и этику международных собраний. Катапультирование в последнюю минуту Вурмбранда было, скажем, тактической ошибкой.

(Р. Б. Гуль упоминает о том, что и члены Датской компартии были приглашены на Слушание. На Слушание — возможно, но если бы они были приглашены занять место среди жюри, то я бы рядом с ними не села).

Наконец, г. Караватский в своем преклоненном извинении хоть и говорит от имени Комитета, но искажает истину. Первым протестовал против появления М. Вурмбранда о. Майкель Бурдо, человек достойный безоговорочного уважения и работу которого я хорошо знаю и ценю. Причины его протеста — дело не мое. Для меня, как я впрочем и сказала прессе, это было вопросом принципа и последней каплей, доказывающей, что Слушание было устроено не только некомпетентно, но — в случае Караватского — этически неподготовленными людьми, а также и моим выражением солидарности с о. Майкелем Бурдо. Кстати ни о. Бурдо, ни я не требовали удаления М. Вурмбранда из зала и из жюри. Мы сами удалились, имея, конечно, на это полное право.

Пастор же Вурмбранд мог быть удален **только** по требованию Комитета и с разрешения председателя Слушания. Но в виду того, что ни М. Вурмбранд, ни его жена, ни его не то теща, не то мать, которые тоже заняли место среди членов жюри, удалиться мирно не пожелали и начали скандалить, это и повело к их удалению силой, но не полицейскими, а сторожами Парламента.

Личных отношений у меня с обоими господами Вурмбрандами никогда не было. Помню года два-три назад, в ответ на посланный мне пастором Вурмбрандом (отцом) материал о церковных православных делах я написала ему, что считаю бестактным его вмешательство в жизнь православной Церкви. Р. Б. Гуль в своей статье упрекает Б. Шрагина за то, что он, не будучи православным, смеет давать советы «Вестнику РСХД». Вурмбранда он в то время за это не упрекал. Кроме того, меня смущает название вурмбрандовского дела «Джезус ту де коммюнист ворлд, Инк.»

Деловитость этого названия, мне кажется, не вяжется с именем Спасителя.

Совершенно смехотворным в «извинении» г. Б. Караватского является его предположение, что я и о. Майкл Бурдо могли стать жертвами дезинформации. Неудачно и то, что Р. Б. Гуль захотел как-то меня — осторожно — связать с акцией пяти свидетелей, подавших заявление, по его мнению просоветское.

Моя общественная деятельность с самых юных лет не дает никакого повода заподозрить меня в прокоммунизме или даже в попутничестве. Мой жизненный опыт не дает повода думать, что я могу стать жертвой дезинформации. Это все «с большой головы, да на здоровую».

У меня имеется любопытный черновик письма ко мне г. Караватского, переданный мне переводчиками, отказавшимися его переводить. В тот же вечер, вместе с М. Бурдо, с этим черновиком в руках я обратилась за разъяснениями к г. Эстерхаз и другим членам Комитета, которые не имели о нем ни малейшего понятия — по видимому, г. Караватский вообще многие решения принимал единолично. Г. Эстерхаз и другие члены Комитета просили меня забыть о последней истерической выходке сего музыканта, что я охотно бы и сделала, но ввиду того, что Комитет решил предать широкой гласности извинительное его письмо Вурмбранду (тогда, кстати, сравнив русский и английский тексты извинения, можно было увидеть, что только первый был подписан Караватским от имени Комитета, а второй, английский, только от одного Караватского), я могу дать частичное объяснение «копенгагенских мистерий». Оказывается, пастор Вурмбранд через своего адвоката немедленно потребовал возмещения своих расходов по прибытии в Копенгаген и возвращения суммы, кото-

рую он пожертвовал на Слушание. (Вот текст телеграммы, посланный 10. 9. 75 г. г. Эстерхаз пастору Вурмбранду (отцу):

Благодарю за телеграмму и деньги. Микаэль Вурмбранд включен в жюри. Полностью согласен с вашими условиями.

Каковы были эти условия, мы не знаем. Я не любительница копаться в грязном белье и жертвовать своим временем для разбора интриг, в общем местного характера, и только выступление Р. Б. Гуля в «Н. Ж.» вынудило меня на это пояснение.

Зинаида Шаховская

*) Все они могут подтвердить, что решение было принято единогласно.

**
*

Г. Караватский не присутствовал ни на собрании во Флоренции, ни на собрании 17 октября в Копенгагене, поэтому остается совершенно непонятным, почему, искажая факты, в том числе и порядок протеста против включения пастора Вурмбранда в жюри, он возлагает на меня одну ответственность за решения, принятые группой лиц.

Корнелия Герстенмайер, Владимир Максимов, Андресен и Виктор Спарре могут засвидетельствовать точность моего изложения о собрании во Флоренции, а Ал. Штромас, М. Бурдо и все члены жюри и комитета, бывшие на собрании 17 октября вечером, точность моего изложения о «деле Шифрина».

Считаю, что методы Б. Караватского — типичный пример не случайной, а нарочитой дезинформации. В свое время тот же прием был применен ко мне Львом Никулиным на страницах «Литературной газеты».

З. Ш.

Письмо в редакцию

Сейчас, спустя несколько месяцев после Сахаровского слушания в Копенгагене, можно, не опасаясь впасть в преувеличение, назвать этот форум историческим. Отрадно поэтому, что сорвались попытки коммунистического «Фронта идеологической борьбы» дискредитировать Сахаровское слушание, умалить его значение и добиться замалчивания идей, прозвучавших в здании Датского парламента.

Как известно, органы массовой информации ряда демократических стран не остались безучастными к Сахаровскому слушанию. Мне известно, что материалы этого форума уже изданы в Дании. Подготавли-

ваются немецкое и американское издания. Я слышал о публикации этих материалов и в других странах.

Все это требует понимания нашей особой ответственности за публикации, которые содержат оценки всего того, что произошло во время Сахаровского слушания.

В связи с этим, я не считаю мелочью появившиеся в русской зарубежной печати весьма критические суждения о деятельности Датского комитета, организовавшего Сахаровское слушание. Так, например, З. Шаховская в большой статье, опубликованной в «Новом русском слове» 1 февраля, писала: «... слушание было устроено не

только некомпетентно, но — в случае Караватского — этически неподготовленными людьми».

Как один из присутствовавших на форуме я считаю своим моральным долгом заявить о своем несогласии с этим заявлением г-жи З. Шаховской.

Как известно, организовал и провел Сахаровское слушание Датский объединенный комитет беженцев из стран Восточной Европы. О составе этого Комитета, об авторитете его членов можно судить уже по тому, что Датский парламент предоставил Комитету и форуму свое помещение, оказал этому Комитету свое доверие и даже высокую поддержку. Более того, многие видные деятели Дании не только помогали Комитету, в том числе в финансировании всего мероприятия, но и активно участвовали в подготовке и проведении Сахаровского слушания. Мэр Копенгагена дал торжественный прием участникам Слушания. Нельзя недооценивать политического значения этого акта. В работе жюри принимал активное участие представитель левых социалистов, недавно отколовшихся от компартии Дании.

Таковы факты, характеризующие официальный статус Датского комитета, организовавшего и проводившего Сахаровское слушание.

А каковы были права З. Шаховской? Кто дал ей право, хотя бы неписанное, моральное, требовать от Датского комитета подчинения ее воле?

Как сообщила З. Шаховская в ее упомянутой статье, претенденты «командовать парадом» в Копенгагене втянули даже в свои интриги («мини-заседание») столь уважаемого человека, как Елена Боннэр-Сахарова. Разве супруга Сахарова могла знать все необходимое для оценки свидетелей, членов жюри, членов Датского комитета, его прав и ответственности? Могла ли достаточно компетентно судить обо всем этом и З. Шаховская, не участвовавшая в подготовке Сахаровского чтения?

Датский комитет вел интенсивную, квалифицированную подготовительную работу в течение года. Как могла З. Шаховская, опираясь на пресловутую практику закулисных «мини-заседаний», действовать в духе комсомольской «легкой кавалерии»: «налетел, едва увидел, зарубил»?

Но З. Шаховская не ограничилась злоупотреблением доверия Е. Боннэр-Сахаровой. Она использовала еще и послание академика Сахарова к участникам форума в Копенгагене в качестве средства оказания вредного давления на законных руководителей форума — на Датский комитет бе-

женцев из стран Восточной Европы, на президента форума.

Итоги Сахаровского слушания подтвердили необоснованность предположений и опасений З. Шаховской относительно содержания выступлений некоторых свидетелей. Члены Датского комитета конечно знали, что все «страхи» Шаховской наивны, напрасны. Ведь Датский комитет заблаговременно изучал и обсуждал тексты выступлений свидетелей — беседовал с ними. Как всем известно, Датский комитет компетентно и солидно подготовил и провел Сахаровское слушание. Лишено всяких оснований утверждение Шаховской в упомянутой статье, что «инициаторы Слушания Сахарова — любители... Все предприятие показалось... несерьезным».

Объективный наблюдатель не может отрицать успеха Сахаровского слушания и, значит, не может отрицать положительной роли, достижений и заслуг Датского комитета беженцев из стран Восточной Европы.

Из всего того, что я, как рядовой участник форума, знаю, что я сам наблюдал и анализировал, я пришел к заключению, что обязан выразить глубокую благодарность Комитету Сахаровского слушания за успешно проделанную им огромную, самоотверженную работу. Это относится, конечно, и к члену Датского комитета Бернарду Караватскому. Оценку его деятельности, данную З. Шаховской, считаю некомпетентной, несправедливой. На г. Караватского и его супругу Людмилу легла особенно большая нагрузка. В течение пяти дней я наблюдал Караватских, занятых с раннего утра до поздней ночи напряженной, изматывающей работой, без которой вряд ли удалось бы успешно обеспечить нормальный ход Сахаровского слушания. Десяткам участников форума помогли Караватские быстро справиться со множеством больших и маленьких проблем, в том числе связанных с бытом, транспортом, корреспондентскими обязанностями, подготовкой публикаций Комитета, связью с властями, органами массовой информации и так далее. А сколько самоотверженного труда они вложили в подготовку форума!

Я считаю себя обязанным выразить особую благодарность Людмиле Караватской, которой предстояло вскоре после форума стать матерью.

Было бы большим достижением восточноевропейской общественности за рубежом, если бы Датский объединенный комитет беженцев из стран Восточной Европы продолжал свою выдающуюся деятельность, стал бы постоянным Комитетом «Сахаровских слушаний» или Сахаровского трибу-

нала. Нельзя ограничиться проведенным в октябре 1975 года форумом. Есть острая общественная необходимость проводить такие слушания ежегодно.

Статья З. Шаховской в «Новом русском слове» от 1. 2. 76, к сожалению, мешает реализации этой идеи; она незаслуженно огорчила хороших, талантливых людей,

демократов, гуманистов, энтузиастов нашего общего дела. Будем надеяться, что Датский объединенный комитет беженцев из стран Восточной Европы отнесется к необоснованным нападкам на его деятельность с должным юмором.

С глубоким уважением

Александр Варди

Письмо в редакцию

Уважаемая Редакция!

В газете «Новое русское слово» от 1 февраля сего года помещена статья Р. Гуля и ответ З. Шаховской на эту статью. В своем ответе г-жа Шаховская искажает факты, и я считаю своим долгом честного человека рассказать читателям правду о событиях в Датском парламенте, где происходило Международное слушание Сахарова.

Возмущает оценка, какую дает г-жа Шаховская слушанию. На каком основании и по какому праву событие, на котором присутствовало более 200 журналистов со всего мира, где впервые выступили свидетели и доказали миру, что в СССР имеют место вопиющие факты нарушения прав человека, г-жа Шаховская называет «нереальным предприятием»?

Стиль и тон статьи г-жи Шаховской ничем, по существу, не отличается от статьи о Международном слушании Сахарова в «Литературной газете».

Г-жа Шаховская написала свою статью в тоне, часто оскорбительном для меня лично. Я не намерен снижаться до такого стиля, и мой ответ будет касаться исключительно фактов. Все, что здесь написано, может быть подтверждено свидетелями описанных событий. Факты о деятельности г-жи Шаховской передаются на суд общественности.

**
*

Г-жа Шаховская была приглашена в Копенгаген в качестве члена жюри Слушания. Ее роль как члена жюри сводилась к следующему: выслушать показания свидетелей, задать им вопросы и обобщить услышанные сведения в окончательной резолюции, составленной совместно со всеми членами жюри. Место, отведенное г-же Шаховской, пустовало. Она не задала ни одного вопроса свидетелям, но зато проявила необычайную активность в кулуарах Слушания. У нее оказалось — по странному стечению обстоятельств — обращение А. Д. Сахарова к Слушанию. Г-жа Шахов-

ская уверяла организаторов Слушания, что это единственный экземпляр документа, и это дало ей возможность шантажировать организаторов и добиться устранения из здания Датского парламента американского священника М. Вурмбранда. Объяснение, которое Шаховская дает в своем ответе Гулю, лживо. Я лично присутствовал, когда Шаховская и М. Бурдо требовали от организаторов немедленного удаления из состава жюри Вурмбранда, употребляя по его адресу эпитеты: «ярый антикоммунист» и «реакционер». Шаховская не хотела передать организаторам слушания обращения А. Д. Сахарова и отказалась зачитать этот документ, пока Вурмбранд будет находиться в зале. Кроме того, она грозила отозвать всех переводчиков, что практически означало срыв всего Слушания.

«Не принято разглашать закрытые дискуссии», — пишет Шаховская, и тут же разглашает во всеулышание, что во Флоренции была вычеркнута из списка свидетелей фамилия украинской свидетельницы Славы Стецко. Она пишет, что были вычеркнуты также имена Шифрина и Панина, но, по словам члена орг. комитета Слушания датчанина О. Ф. Андресена, который присутствовал на этом заседании, было выражено недовольство по поводу этих свидетелей, но фамилии их вычеркнуты не были. По свидетельству того же Андресена, вся дискуссия велась на русском языке, а ему сообщался вкратце ее результат по-английски; причем, как он отмечает, самой активной в дискуссии была Шаховская.

Правда, что проф. Воронель из Израиля приглашен не был, однако неполная информация Шаховской является фальшивой, так как фамилии свидетелей Балашова, Брессендена и Квачевского были получены из Италии.

Г-жа Шаховская была инициатором исключения Шифрина из состава свидетелей за несколько часов до начала Слушания «из-за загруженности программы», как было сказано. Я был настолько потрясен типично советским методом (ОСО, «тройка») исключения свидетеля из списка за

очно, без права защиты с его стороны, что выразил свой протест в письменной форме, где подчеркнул, что исключение А. Шифрина будет «равносильно моральному убийству человека». Оставшиеся часы перед Слушанием я посвятил разговорам с участниками этого ОСО. Как выяснилось во время этих разговоров, все в один голос уверяли, что Шифрин фантазирует и преувеличивает, но когда я просил привести примеры, факты и цитаты, таковых не находилось. Мне удалось убедить всех, кроме Шаховской.

Об отношении г-жи Шаховской к свидетелям добавлю еще несколько фактов. Украинский писатель А. Зварун вызвал недоброжелательные комментарии со стороны Шаховской. Текст его выступления, видите ли, занимал слишком много страниц. Это было сказано о единственном свидетеле от многомиллионного украинского народа.

Пожалуй, самым скандальным было отношение г-жи Шаховской к Любе Маркиш. Едва узнав, что Л. Маркиш выступит на Слушании (ее имя удерживалось в тайне до самого конца, так как организаторы Слушания серьезно опасались за ее безопасность), госпожа Шаховская воскликнула: «Да ведь она параноичка!». Очень быстро выяснилось, что Шаховская никогда Маркиш в глаза не видела и никогда с ней не разговаривала, но осудить ее по методу «плюнуть и бежать» — она была готова. «Мой жизненный опыт не дает повода думать, что я могу стать жертвой дезинформации», — пишет Шаховская в ответе Р. Гулю, но в случае с Л. Маркиш факт дезинформации налицо. Кто и с какой целью убедил Шаховскую в неменяемости Маркиш?

Сообщаю, что фамилия Вурмбранда была помещена в списки членов жюри за неделю до Слушания. Список этот был доступен прессе и членам жюри. Кстати, считаю необходимым ответить Шаховской, что компартия Дании, наравне со всеми другими партиями, была приглашена в состав жюри с правом задавать вопросы, о чем Шаховская, собираясь в Копенгаген, должна была бы знать, так как сообщение об этом было напечатано в ее же газете («Русская мысль» от 21 августа 1975, стр. 4, «Письмо академику А. Д. Сахарову», подписанное от имени комитета мною). Представители коммунистической датской прессы были в зале во время Слушания, но официально в состав жюри коммунисты не пожелали войти, объявив Слушание антикоммунистическим мероприятием.

Относительно датской визы, в которой было отказано Максимоу, и необоснован-

ных претензий Шаховской по адресу организаторов слушания в связи с этим, замечу, что утверждение г-жи Шаховской, будто организаторы обещали выслать визу, является абсурдным. Визы не высылаются, а получают заинтересованными лицами, а у Максимова было полгода на устройство себе датской визы. Он спохватился за три дня до выезда и, как оказалось, паспорт его был не в порядке.*) Супруги Файнберги вспомнили о визе за 10 дней до выезда, и мы смогли им помочь. Три дня при неисправном паспорте оказались недостаточным сроком.

Не было ни единого случая, чтобы кто-нибудь из переводчиков (людей глубоко идейных и отказавшихся от оплаты за свою неимоверно трудную работу во время Слушания) отказался перевести что-либо. Если г-жа Шаховская уверяет читателей, что у нее на руках есть черновик моего письма к ней, который переводчики якобы отказались перевести, то я прошу ее опубликовать этот черновик, а я предоставлю его перевод, сделанный во время Слушания, и назovu фамилию переводчика, сделавшего перевод. Думаю, что Шаховская имеет в виду набросок письма, который был предложен на рассмотрение комитета, где я выражал мнение, что Шаховская совместно с М. Бурдо, вызвав скандал и добившись удаления Вурмбранда, должны покрыть счет, присланный адвокатом последнего за перелет, гостиницу и т. п. К сожалению, комитет не согласился с моим мнением.

Г-жа Шаховская в «Русской мысли» лишь вскользь упомянула примерно одну треть свидетелей из общего числа 24 и резолюцию жюри напечатала в сокращенном виде. Только две небольшие статьи о таком важном международном мероприятии! Любопытно отметить, что в редакционной статье г-жа Шаховская написала: «Все, выступившие на Слушании оказались верными позиции Андрея Сахарова» (цитирую «Р. М.» от 30 октября 1975 г.). Все — это значит и Панин, и Шифрин, и Азбель, и Варди, и другие, имен которых Шаховская даже не потрудилась назвать ни разу на страницах своей газеты.

Заканчивая, хочу ясно выразить мысль, что только любители, не отдававшие себе совершенно отчета в том, какая им предстоит работа в связи с организацией первого мероприятия, направленного против нарушения прав человека в СССР, могли решиться на это. Профессоры типа Шаховской знали об обращении Сахарова, но именно их профессиональная

*) Тогда еще советский (Прим. ред.).

оценка возможностей, очевидно, вызвала их пассивность. Группка энтузиастов откликнулась на «Московское обращение» Сахарова и решила попытаться осуществить его идею.

И что же? Хвалили организаторов немцы, норвежцы, шведы, датчане, да всех и не перечислять. И только русская эмигрантская пресса не может вымолвить доброго слова на тему самого факта организации Слушания.

Книга-документ о Слушании вышла уже на датском языке. К выходу в свет готовятся немецкое, английское, шведское и итальянское издания. Похоже на то, что по-русски книга так никогда и не появится, так как ни ИМКА-пресс, ни «Посев» не располагают средствами на ее издание, хо-

тя комитет предлагает все материалы бесплатно, а «Хроника» завалена заказами.

Бернард Караватский, музыкант Копенгаген

На страницах «Русской мысли» было «случайно» опубликовано в высшей степени невежливое открытое письмо Агурского. В ответ на это письмо председатель комитета Слушания Эрнэ Эстерхаз послал Шаховской письмо и перевод статьи из норвежского издания «Крик с Востока», которые напечатаны не были.

Настоящее письмо является моим последним публичным выступлением на тему событий, связанных с Международным слушанием Сахарова.

Бернард Караватский

Еще раз о „Деле Шифрина“

По поводу скандала на Слушании Сахарова в Копенгагене.

В архивах КГБ, с надписью «хранить вечно», лежит «Дело Шифрина», осужденного по ст. 58.1-А на смертную казнь с заменой на 25 лет лагерей особого режима. И поэтому для меня не ново слышать выражение «дело Шифрина». Правда, до сих пор мне приходилось слышать его лишь от сотрудников КГБ, теперь же оно прозвучало от редактора антикоммунистической газеты Шаховской. И поскольку в КГБ требуют называть следователя, ведущего твое дело, «гражданин», а Шаховская, как следует из ее ответа на статью Р. Б. Гуля (и статья, и ответ напечатаны в «Новом русском слове» от 1 февраля 1976 г.*), завела на меня «дело», не могу впредь называть ее иначе, как «гражданка Шаховская», коли уж вообще приходится о ней писать.

А написать это письмо я считаю своим долгом. Не для защиты своего имени от клеветы, вылитой на меня гражданкой Шаховской (этим займется суд, который будет рассматривать «дело Шаховской» о диффамации в печати), но просто для того, чтобы Ваши читатели, не присутствовавшие на Слушании Сахарова в Копенгагене, могли судить о том, что там происходило, основываясь не только на сознательной дезинформации Шаховской.

Не буду особо останавливаться на базарном, демагогическом тоне, грязных намеках и прямых оскорблениях, которыми

изобилует ответ Шаховской — все это очевидно и характеризует саму Шаховскую куда более красноречиво, чем тех, кого она смеет публично обвинять в «этической неподготовленности». Посмотрим лучше, против кого направила пафос своей статьи, равно как и свою активность в период подготовки и проведения Слушания Сахарова гражданка Шаховская, какие основания для этого она сама приводит и о каких умалчивает.

С первых строк ее статьи выясняется, что объект нападков — это прежде всего — сами устроители Слушания. Единственные в мире люди, откликнувшиеся на призыв академика Сахарова, отдавшие год жизни, массу сил и своих личных средств на организацию Слушания, не удостоились у редактора антикоммунистической газеты хоть одного доброго слова. Напротив — не имея никаких фактов, которые могли бы опорочить этих людей, гражданка Шаховская использует излюбленные приемы советских ругательных статей — передергивание, натяжки и крикливый неуважительный тон. «Любители», «имя покрыто мраком неизвестности», «несерьезное предприятие», «некомпетентно», «этически неподготовленный человек» — лишь такие выражения нашлись у «профессионала международных конференций» Шаховской для оценки устроителей первого в мире широко организованного заседания, посвященного попранию Прав Человека в СССР. И даже проявленная Бернардом Караватским бескорыстная энергия и то, что он не рвется в политические деятели, рабо-

*) См. также выше в этом журнале.

тает музыкантом, а за организацию Слушания взялся лишь потому, что «профессионалы» предпочли промолчать и замолчать призыв академика Сахарова, и голос совести должен был прозвучать в мире — даже все это гражданка Шаховская выворачивает наизнанку с целью дискредитировать человека, достойного всяческого уважения.

Далее гражданка Шаховская описывает свои усилия, направленные против ряда свидетелей, умалчивая о том факте, что все трое (Панин, Стецко и я) известны своей активной антикоммунистической деятельностью, а также о том, что на «минизаседании» во Флоренции она воспользовалась узким составом его участников, среди которых никто не мог ей возразить за неимением фактов, и попросту дезинформировала г-жу Бонэр, супругу академика Сахарова. Славу Стецко она представила как «пособницу фашистов» в годы войны (эта клевета была разоблачена позднее в Копенгагене, но об этом гражданка Шаховская «забыла» упомянуть в своем ответе Р. Б. Гулю, изобретя на месте новый довод, который она якобы выдвигала против участия г-жи Стецко в Слушании). Меня она подала как человека, не достойного доверия, известного тем, что он поставляет «недостоверную информацию». Г-жа Бонэр вынуждена была ей поверить, так как речь моя (как и речи других свидетелей, посланная в Комитет Слушания заранее) находилась в Копенгагене, и г-жа Бонэр лишена была возможности, а гражданка Шаховская, очевидно, сознательно не захотела воспользоваться своим правом члена жюри, чтобы увидеть, что вся представленная мною информация была не только основана на фактах, но и документально подтверждена. Считаю нужным также пояснить здесь для непосвященных, что, живя в Израиле с 1970 года, я систематически занимаюсь сбором сведений о тюрьмах и лагерях СССР, являюсь руководителем Исследовательского Центра лагерей и тюрем СССР; в 1973 г. в Сенате, а в 1973 и 1974 гг. в Конгрессе США выступал на специальных Слушаниях, посвященных советским лагерям и тюрьмам, антисемитизму в СССР и проблемам детанта; все материалы и документы, мною представленные, были опубликованы Сенатом и Конгрессом США отдельными книгами, причем никто, даже Советский Союз, обливавший меня грязью на страницах своих газет, до сих пор не осмелился оспорить достоверность моей информации. Характерно, что несомненно зная все это и не имея никаких фактов в подтверждение своей клеветы, гражданка Шаховская использует типичный совет-

ский прием — рассчитывая на доверчивость непосвященного читателя, она пишет о Шифрине в тоне, не оставляющем сомнений в том, что он настолько известный лгун и обманщик, что это и доказывать не нужно. Так обычно пишут в газетах СССР о жертвах политических процессов, описывая их негодьями и преступниками-уголовниками.

Свидетельство Д. Панина гражданка Шаховская отвела как «устаревшее». Казалось бы, такого рода мотивировку для устранения одного из самых резких свидетелей-антикоммунистов мог выдвинуть лишь человек, очень заинтересованный в его устранении. Но редактор антикоммунистической газеты? Не правда ли, несколько странно?

Но посмотрим, чем занималась гражданка Шаховская, убедившись по приезде в Копенгаген, что ее дезинформация во Флоренции не имела успеха. После того, как члены Комитета по телефону сообщили г-же Бонэр содержание выступлений отвергнутых свидетелей, а также свое мнение о них, г-жа Бонэр сняла свои возражения, сказав, что они были основаны лишь на «сведениях» Шаховской. Но гражданку Шаховскую такой исход дела не удовлетворял. И вот перед самым началом Слушания она начинает еще одну атаку. Она преуспела в своей борьбе против г-жи Стецко лишь потому, что последняя приехала в Копенгаген слишком поздно и уже не имела времени опровергнуть выплеснутый против нее поток клеветы. Что же касается г-на Панина и меня, то здесь дело обстояло несколько иначе, чем пытается это изобразить Шаховская в своем ответе Р. Б. Гулю. Не буду оспаривать честность людей, на которых она ссылается, заявляя, что решение отстранить меня от выступления было принято единогласно. Но на мой взгляд, норвежский епископ Нордервал достоин не меньшего доверия, и он может подтвердить, что вышеупомянутое заявление Шаховской — попросту ложь. Шаховская действительно, подняла вновь вопрос о моем отстранении «из-за загруженности программы» (повторить свои обвинения в дезинформации в мой адрес при наличии моей речи и в присутствии ряда людей, достаточно знакомых с моей деятельностью, она не посмела). Но против этого резко возражали некоторые участники заседания, и предложение ее принято не было.

И, наконец, четвертый объект атаки гражданки Шаховской — пастор М. Вурмбранд. Не стоило бы еще раз описывать обстоятельства, при которых это произошло, если бы не еще одна заведомая ложь в статье гражданки Шаховской. Она пы-

тается представить дело так, будто инициатором скандального выступления против участия пастора М. Вурмбранда в Слушании был М. Бурдо, а она лишь поддержала его. Эта перетасовка фактов, видимо, направлена на то, чтобы скрыть шантаж Шаховской, который на самом деле имел место. Употребляю слово «шантаж» не случайно, а постольку, поскольку оно наиболее точно выражает суть происшедшего. Являясь, по сути дела, случайным обладателем (по ее собственному признанию в ответе Р. Б. Гулю) обращения Сахарова, Шаховская воспользовалась им, не имея на то никаких полномочий, чтобы вынудить членов Комитета Слушания удалить из зала пастора М. Вурмбранда. Неприятно вспоминать о том, как именно происходило удаление из зала Майкла Вурмбранда, который с полным основанием отказался покинуть свое место в жюри, занятое им по заранее им полученному приглашению Комитета. Вместе с пастором Вурмбрандом была силой вышвырнута из зала и его жена Джуди. Стараясь придать делу по возможности скандальный характер, Шаховская не только использует базарный тон, но и снова искажает факты («не то теща, не то мать», «начали скандалить» и т. д.). Но зато она забывает написать, какие доводы она привела в поддержку своего требования удалить из жюри пастора М. Вурмбранда: «Он ярый антикоммунист!».

Вот, собственно, и все факты, касающиеся деятельности члена жюри Сахаровского Слушания Шаховской на Слушании. Остается осмыслить их и расставить акценты.

Я по профессии юрист и привык в случае каких-то недоразумений всегда ставить себе вопрос: «Кому это выгодно?». Кому в данном случае было выгодно по возможности сорвать Слушание, а в случае неудачи попытаться устранить из числа свидетелей самых активных антикоммунистов? Ответ на этот вопрос дали советские власти, проявившие бурную активность в месяцы подготовки Слушания. И королева Дании была приглашена в СССР; и специальная делегация «выдающихся деятелей науки и культуры» была послана в Копенгаген в дни Слушания, чтобы разоблачить

«антисоветскую провокацию»; и газетная кампания против Слушания была развернута в СССР и за границей. Все оказалось неудачным. Трудно предположить, зная психологию советских властей, чтобы они отказались от желания сорвать Слушание до последней минуты...

«Моя общественная деятельность с самых юных лет не дает никакого повода заподозрить меня в прокоммунизме», — пишет Шаховская в своем ответе г-ну Гулю. Но вот ответа на прямо поставленный Р. Б. Гулем вопрос, каковы были ее мотивы для всех вышеописанных действий, она так и не дает. А ведь они были... Нельзя предположить, чтобы они были личными, так как сама Шаховская пишет, что никогда раньше с пастором Вурмбрандом не встречалась. Не встречался с ней, слава Богу, и я. Единственное, что сумела выискать против пасторов Р. и М. Вурмбрандов Шаховская — это «деловитость» их организации, да «бестактность его вмешательства в дела православной Церкви». Это она, очевидно, имеет в виду тот факт, что организация Вурмбрандов помогает в сем верующим, преследуемым коммунистами, без различия вероисповедания. Кроме того, Шаховская умудрилась поставить в вину пастору Вурмбранду и то, что он дал часть денег на организацию Слушания. Уместно было бы спросить, дала ли и сколько на это дело сама Шаховская.

Я сионист, живу в Израиле («в спокойствии Израиля», — пишет Шаховская; врагам бы нашим такое спокойствие...) и прямого отношения к этому делу не имею. Но думаю, что русской эмиграции не грех бы в свете всего происшедшего попристальнее взглянуть в деятельность Шаховской.

И еще мне пришло в голову, что удивительно одинаковую оценку дают мне продажные московские писаки и редактор антикоммунистической газеты «Русская мысль». Но московские борзописцы получают за свою клевету наличными. А гражданка Шаховская? Моральным удовлетворением?

20 февраля 1976 г.

Авраам Шифрин

Израиль

Отчет о церковной акции

ПРОВЕДЕННОЙ В СВЯЗИ С ОЛИМПИАДОЙ 1976 г. В ИННСБРУКЕ (АВСТРИЯ)

Зимняя Олимпиада 1976 г., устроенная в Иннсбруке (Австрия), дала возможность церковным руководителям в Европе организовать акцию по снабжению посетивших Олимпиаду многочисленных туристов из Сов. Союза религиозной литературой.

Для этой цели архиепископ Антоний Женевский, епископ Нафанаил Венский и епископ Павел Штуттгартский совершили 8 февраля, в воскресенье, торжественное богослужение в православном храме Иннсбрука.

Православная церковь там исключительно благолепна. Это старинная католическая церковь, построенная в виде небольшой базилики. Церковь эта во время войны была разрушена и восстановлена благодаря стараниям тогдашнего коменданта города, подполковника французской службы, русского православного человека, С. С. Недзельского, мобилизовавшего для работ по восстановлению церкви бывших у него под командой русских и сербских рабочих. Поэтому этот храм решением местного Тирольского католического епископа Павла Буша передан в пользование православного прихода в Иннсбруке навсегда, как гласит о том мраморная доска на западной стене храма.

Благодаря стараниям С. С. Недзельского, ныне занимающего место старосты прихода, и казначея прихода Л. Ф. Квашинского оказалось возможным организовать акцию в Иннсбруке.

В субботу 7 февраля в Иннсбрук съехались архiereи, священники, диаконы, прислужники и прекрасный камерный хор из Мюнхена под управлением лучшего регента в Германии В. А. Древинга.

Как всенощная 7-го февраля вечером, так и Литургия 8-го февраля утром прошли очень торжественно. Служило три архiereя, три священника, три диакона со множеством иподияконов и прислужников. Хор звучал исключительно красиво. Звучность его еще увеличивалась прекрасной акустикой в храме.

Никто из пришедших на Литургию советских туристов не взял ничего из приготовленной и разложенной для них религиозной литературы. Это было большим разочарованием для организаторов церковной акции. Епископ Нафанаил оставался в Иннсбруке всю неделю для проведения ежедневных богослужений и для встречи с туристами, которые могут прийти в цер-

ковь. Вечером в воскресенье на помощь владыке Нафанаилу приехал из Мюнхена отец архимандрит Феодор (Голицын). Они обсуждали создавшееся положение. Настроение их было грустное, но без тени отчаяния. «Мы сделали все, что могли, пусть будет воля Божия».

Но в понедельник в 2 часа дня в церковь радостно ворвалась одна из пар наших распространителей духовной литературы И. Ш. и Е. Г. Они с восторгом рассказали, что за воскресенье после обеда и утро понедельника они распространили 1340 экземпляров различных религиозных изданий: Библий, Евангелий, молитвенников, брошюр, листовок. Они обнаружили у входа в стадион лютеранского пастора, латыша, поставившего там походную церковь на колесах и около этой церкви разложившего религиозную литературу по-немецки и по-латышски для туристов из Восточной Германии и Латвии. И. Ш. попросила его разрешения на третьей скамейке разложить нашу литературу по-русски. Он разрешил. Почти все советские туристы, проходившие через эти ворота в город, подходили к разложенным книгам и брали их себе. К полудню понедельника из 1340 экземпляров не осталось ничего, и теперь И. Ш. и Е. Г. приехали за новой партией литературы.

В 3 часа дня приехал о. Феодор сменив епископа Нафанаила и с ним приехала вторая пара раздатчиков А. Б. и Н. С. У них был другой опыт. В то время как первая пара отмечала, что советские туристы берут книги, но избегают вступать в разговоры, эти рассказывали, что они со многими советскими туристами разговаривали, но очень мало кто из них взял литературу. Один из туристов, которому они предложили Библию и Евангелие, сказал: «С радостью взял бы, милые, знаю и жена порадовалась бы. Да если найдут у меня, то никогда за границу не пустят, а мне это нужно».

На следующий день первая партия раздатчиков уехала в Мюнхен и Зальцбург на свои занятия, обещав вернуться в среду. Ведь надо помнить, что вся эта акция, как и пение за ежедневными богослужениями, так и раздача литературы, проводилась не только безвозмездно, но и с материальным ущербом, или за счет их годового отпуска или за счет, могущего вызвать неприятности, пропуска на службе. И средства, которые несмотря на жертвенность участников

все же были нужны для проведения этой акции, были получены путем жертвенных взносов.

Архиепископ Антоний собрал среди своих прихожан 1000 швейцарских франков (400 дол.), 500 дол. прислал Фонд при Синоде, 100 дол. прислал архиепископ Серафим Чикагский, 75 дол. от себя и 15 дол. от епископа Алипия и 10 дол. от архимандрита Феофана. Если принять во внимание, что вл. Серафим получает на жизнь лишь сто долларов в месяц, эта его жертва была воистину «лептой вдовцы». И, наконец, через П. Д. Ильинского г. Х. прислал епископу Нафанаилу для этой акции 200 дол.

В четверг акция пережила некоторый кризис. Кагебисты, наконец, спохватились. Они, очевидно, не ожидали деятельности церковной акции и приняли меры поздно, причем, как всегда, грубые, топорные и компрометирующие их самих. Они собрали в главном помещении стадиона всех советских туристов (причем там оказались и посторонние зрители, из которых многие понимали по-русски) и объявили им: «Вам строжайше запрещается говорить с кем бы то ни было из посторонних, запрещается брать какие бы то ни было книжки, брошюры и листовки. Все, что вы взяли, вы должны немедленно вернуть нам. Тем, кто передаст по своей воле, ничего не будет, а те, кто попробуют спрятать полученное, горько о том пожалеют.

Некоторые из туристов испугались этой угрозы. Но некоторые говорили: «Нас так легко не запугаешь». Один резонно разъяснил, что самое глупое — сдавать книги. Все равно не простят того, что взяли и прочли. Один сказал, что жена его приятеля просила перед отъездом: «Не надо мне ни духов, ни платков, ни платьев, привези мне Евангелие». Как же отдать Евангелие, получив его?

Несмотря на храбрые разговоры, атмосфера с четверга заметно испортилась, многие испугались: боялись подходить к нашим раздатчикам, боялись брать со скамьи у западных ворот духовную литературу.

После обеда в четверг к этим воротам пришла комиссия из советских и австрийских представителей. Осмотрев внимательно нашу литературу, они забрали все, что хоть как-нибудь подходило под определение «политической литературы», например, А. Солженицына «Жить не по лжи», пастора Р. Вурмбранда «Мученики Христа» и др. Чисто церковную литературу не тронули. Тут явно действовало старое, еще от 1945 г., соглашение между государствами, входящими в Объединенные Нации, о том,

что строго запрещается в странах, входящих в ООН, вести пропаганду против режимов этих стран. СССР, нарушая это постановление на каждом шагу, ревниво наблюдает, чтобы оно выполнялось в отношении его самого.

В пятницу положение улучшилось, т. к. приехала третья пара раздатчиков, которая отыскала новые места для деятельности в маленьких домиках вокруг Иннсбрука, где жили советские туристы, которые еще не были снабжены нашей литературой, но очень ее желали.

В субботу работа была свернута. Обо всех немногочисленных участниках этой акции хочется сказать Черчилевскими словами: «Столь немногие сделали так много».

Вручено пять с лишним тысяч религиозных изданий советским людям, из них свыше 1000 Библий и Новых Заветов. Пусть не все доведут их до России, но большинство доедет. Они слишком драгоценны там. Как нам писала одна иностранная студентка из России: «Здесь многие люди отдают месячное жалование за Библию или Новый Завет».

А «Слово Божие и действительно и острее всякого меча обоюдоостра, оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов» (Евр. 4, 12). Вот почему их так панически боятся богоробоческие властители.

Епископ НАФАНАИЛ

Одна из задач «Голоса зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

Редактирует коллегия:

А. Курченко, И. Мусман, В. Пирожкова

Адрес редакции: GOLOS SARUBESCHIA
Bothmerstr. 14, 8 München 19. BR Deutschland

Verantwortlich für den Inhalt:

Redaktionskollegium:

А. Kurtschenko, I. Musman, V. Piroshkova

Банковский счет —

Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 München, Konto Nr. 27600-914318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: „Logos“, Bothmerstr. 14, 8 München 19

